

П Р И Б А В Л Е Н І Е

къ

ДУХОВНОМУ ВѢСТНИКУ

ГРУЗИНСКАГО ЭКЗАРХАТА.

1—15-го апрѣля №№ 7—8-й 1903 года.

Р ъ ч ъ

на панихидѣ по Н. В. Гоголѣ по случаю открытія ему памятника въ гор. Тифлисѣ, сооруженнаго городскимъ самоуправленіемъ.

Слово ваше будетъ солию растворено (Кол. IV, 6).

Неизмѣримо велико значеніе человѣческаго слова. Въ чудно-таинственномъ устройствѣ человѣка, этого „малаго міра“, его свѣтлая мысль рождаетъ вдохновенное слово, въ немъ воплощается, увѣковѣчивается; и обратно: слово, въ свою очередь, возбуждаетъ и вызываетъ мысль, развиваетъ ее, совершенствуетъ, вступаетъ въ неопостижимую связь съ чувствомъ, дѣйствуетъ на волю,—захватываетъ, такимъ образомъ, всю широкую область человѣческой дѣятельности.

Не напрасно, поэтому, слово представляется глубоко-важнымъ не только въ отношеніи эстетическомъ, литературномъ, научномъ и общественномъ: оно преисполнено и какъ бы насквозь проникнуто инымъ, высшимъ значеніемъ,—священнымъ, религіознымъ. Словомъ Бога созданъ міръ изначала, словомъ дано откровеніе, словомъ глашали истину пророки, словомъ благоволило именоваться Божество въ воплощеніи, словомъ Богочеловѣкъ и Его апостолы повѣдали міру небесную вѣсть спасенія.

И блаженъ тотъ избранникъ Божества, одаренный свѣтлою

мыслью и чуднымъ даромъ слова, который не употребить во зло своего дарованія, который не продасть за жалкую похлебку мірскихъ благъ свое духовное первородство, который не угодится древнему Валааму, избравшему слово проклятія народу вмѣсто Богомъ заповѣданнаго слова благословенія. Блаженъ всякій слугитель слова— писатель или ораторъ, поэтъ или провѣдникъ, и благословенно имя его, если онъ не избралъ это слово орудіемъ лжи, обмана, возбужденія низменныхъ страстей и нравственнаго растлѣнія. Ибо отъ словъ твоихъ оправдашися, и отъ словъ твоихъ осудишися,—говорить Господь въ Откровеніи (Мѣ. XII, 37). И не даромъ одинъ изъ нашихъ художниковъ слова, современникъ того, кого мы нынѣ поминаемъ молитвою, приточнымъ изображеніемъ загробной судьбы разбойника и писателя показалъ намъ въ назиданіе, что убійца менѣе вреденъ и скорѣе удостоится прощенія предъ вѣчною правдою, чѣмъ дурной писатель, этотъ духовный разбойникъ, оставившій на землѣ въ своихъ произведеніяхъ сѣмена неисцѣльнаго и непрекращающагося зла.

О, какъ умѣстно и какъ необходимо громко и часто напоминать объ этомъ себѣ и другимъ въ наши тревожные дни! Слово человеческое нынѣ не хранится, какъ прежде, въ тѣсномъ кружкѣ близкихъ людей, а быстро распространяется по лицу земли; его разноситъ по міру не одна стоустая молва, какъ прежде, но многочисленныя, усовершенствованныя и все болѣе развивающіяся орудія гласности—почта, телеграфъ, телефонъ, газеты, листки, книги, журналы. Увѣковѣчиваются не только слова, но самый тонъ, выраженіе и звукъ голоса... Страшно подчасъ становится за эту изумительно-могучую силу слова. Страшно становится, когда видишь, какъ талантливые творцы слова питаютъ изо-дня въ день читающую и мыслящую часть общества образами порока, грѣха и соблазна, не вызывая къ нимъ отвращенія, нѣтъ, — часто оправдывая, даже открыто сочувствуя имъ. Страшно подумать, что озвѣрѣвшіе подонки человеческого общества возводятся нынѣ въ идеаль, объявляются носителями обновленія нашей общественности; что, подъ вліяніемъ модныхъ мыслителей, добро и зло объявляются условными; когда знаменитое — „все позволено“ — предлагается, какъ единственная норма и лозунгъ дѣятельности; когда поле изображаемой литературнымъ словомъ жизни занимаютъ нравственные дегенераты, якобы „сверхъ-

человѣки“, стоящіе „по ту сторону добра и зла“, а на самомъ дѣлѣ — герои скамьи подсудимыхъ, обыкновенные преступники, съ обыкновенными низменными инстинктами, дерзость которыхъ и нравственное безстрашіе принимаются за нравственную отвагу и силу, — достойные, конечно, и снисхожденія, и сожалѣнія, но никакъ не подражанія. Страшно становится, когда видишь, что всякое преступленіе на общественномъ судѣ находитъ себѣ краснорѣчивую защиту, вознаграждающую вѣщателей зла то крупною платою, часто изъ темнаго источника, то громкою популярностію, — благами, за которыми любители ихъ ѣдутъ издалека, тянутся, какъ будто къ свѣту ко всякому виду громкаго преступленія, чтобы защитить его прелюбодѣніемъ слова лицемѣрно-краснорѣчиваго и ложно-одушевленнаго. Страшно становится, когда разрушительныя для религіи и обществѣнности ученія распространяются словомъ подпольной литературы, проповѣдаются подчасъ между строками и легальныхъ газетъ, книгъ и журналовъ. И прямо ужасно подумать, что все это прививается и усваивается, что всѣмъ этимъ увлекаются нынѣ до потери сознанія границъ добра и зла, нравственно-прекраснаго и безобразнаго, что почва для посѣва и возрастанія такого слова человѣческаго, измѣнившаго своему божественному назначенію, съ каждымъ днемъ становится какъ будто воспримчивѣе.

Въ такіе дни, дѣйствительно, отрадно остановиться на образѣ писателя, котораго мы нынѣ поминаемъ молитвою и затѣмъ вѣнчаемъ заслуженною славою созданіемъ рукотвореннаго памятника отъ имени нашего города. Вотъ писатель, который объявилъ, что съ словомъ нужно обращаться крайне осторожно: „оно, по его выраженію, лучшей даръ Бога человѣку“. Вотъ писатель, проникшійся убѣжденнымъ сознаніемъ религіознаго значенія слова, который смотрѣлъ на себя, какъ на орудіе промысла, какъ на библейскаго пророка, глашатая истины; который, рисуя пороки, не услаждался ими и не услаждалъ ими другихъ; который горькимъ смѣхомъ посмѣялся надъ пошлою стороною нашей дѣйствительности не для забавы и глумленія, не для пошлаго остроумія, а „сквозь незримыя міру слезы“: онъ плакалъ надъ язвами нашей жизни, страдалъ и болѣлъ ея страданіями, онъ пріобщился къ той міровой скорби лучшихъ писателей — печальниковъ народа своего, которая является какъ бы отблескомъ и соучастіемъ искупительнаго подвига Христо-

ва.... Вотъ писатель, у котораго сознание ответственности предъ вышею правдою за его литературное слово дошло до такой степени напряженности, такъ глубоко охватило все его существо, что для многихъ казалось какою-то душевною болѣзью, чѣмъ-то необычнымъ, непонятнымъ, ненормальнымъ. Это былъ писатель и человекъ, который правду свою и правду жизни и міропониманія провѣрялъ только правдою Христовой.

Да, отраднo воздѣть молитвенное помяновеніе предъ Богомъ и славу предъ людьми такому именно писателю въ нашъ вѣкъ господства растлѣннаго слова, писателю, который выполнилъ завѣтъ апостола: *слово ваше да будетъ солю растворено*. И много въ его писаніяхъ этой силы, предохраняющей мысль отъ разложенія и гнѣнія, дѣлающей пищу духовную удобопріемлемой и легко усвояемой.

Отраднo и то, что такого писателя цѣнятъ и прославляютъ. Это — доброе знаменіе времени; это — добрый знакъ, что не до конца загрязнена и почва, воспринимающая слово, что многихъ какъ бы тошнить отъ той духовной пищи, которую имъ часто преподносятъ въ современной литературѣ, и они ищутъ освѣженія и обновленія въ вѣчныхъ завѣтахъ великихъ творцовъ слова минувшаго времени. Такіе творцы по своему значенію въ исторіи слова подобны святымъ отцамъ въ православіи: они поддерживаютъ благочестныя и чистыя литературныя преданія. Въ ихъ завѣтахъ можно и объединиться, и сойтись всѣмъ представителямъ такого окраиннаго и разноплеменнаго города, каковымъ является нашъ Тифлисъ. Честь и хвала и глубокая благодарность представителямъ города за это чествованіе великаго писателя земли русской; вѣдь въ его завѣтахъ высокихъ и благородныхъ мы всѣ воспитались въ годы ученія и духовнаго — умственнаго и нравственнаго возрастанія; вѣдь эти завѣты, дѣйствительно, сильны объединить всѣхъ, кто ищетъ добра и любить его, кто, безъ партій и кличекъ, хочетъ видѣть въ себѣ и въ окружающихъ человекъ въ истинномъ и высокомъ значеніи этого слова.

Пусть же останутся эти завѣты руководствомъ и для васъ, представители нашего общественнаго самоуправленія. Создавая памятники великому писателю, столь честному въ мысли и словѣ, вы тѣмъ самымъ показываете, что раздѣляете уроки, оставленные намъ этимъ учителемъ жизни. Иначе чествованіе это было бы только жалкимъ

и презрѣннымъ лицемѣріемъ, одною бездушною и показною формою. Да будетъ и у васъ слово ваше солю растворено! Благо общественное вручено заботѣ представителей общества, и оно выясняется обыкновенно въ предварительной усиленной работѣ слова вашего въ законныхъ общественныхъ собраніяхъ. Пусть же слово это будетъ всегда чисто, здраво и трезво — и пусть оно будетъ солю растворено, т. е. не гнило, не гибельно. Пусть оно не служитъ для рисовки, игры и тщеславія пустымъ и условнымъ краснорѣчіемъ, пусть не обращается оно въ одно словопреніе, въ орудіе задора и раздора, личныхъ счетовъ, личныхъ или партійныхъ интересовъ — въ продажный товаръ, къ сожалѣнію, столь часто нынѣ предлагаемый на общественномъ рынкѣ.

Тогда и открытое чествованіе великаго писателя созданиемъ ему памятника будетъ имѣть воистину глубокое общественно-воспитательное значеніе.

Протоіерей *Іоаннъ Восторговъ*.

Р ъ Ч ъ,

сказанная при встрѣчѣ Высокопреосвященнѣйшаго Алексія, Экзарха Грузіи, Архіепископа Карталинскаго и Кахетинскаго, предъ совершеніемъ Его Высокопреосвященствомъ вечерни въ 1-й миссионерской Покровской церкви въ г. Тифлисъ, 9 марта, 1903 г., въ недѣлю Крестопоклонную.

Ваше Высокопреосвященство,

Милостивѣйшій Архипастырь и Отецъ!

Да будетъ съ миромъ второе вхожденіе Ваше въ этотъ святыи храмъ. 17 марта прошлаго года Ваше Высокопреосвященство изволили быть въ первый разъ въ этомъ храмѣ. Это было ровно годъ тому назадъ. Какъ настоятель этого храма, считаю долгомъ повѣдать Вамъ, какая же переменна произошла въ теченіе этого года въ св. храмѣ семь и съ братією его, сдѣлано ли что либо за этотъ послѣдній годъ для возвышенія благолѣпія этого храма, для улучшенія и подъема религіозно-нравственнаго состоянія мѣстной право-

славной паствы и для вразумленія проживающихъ въ этой мѣстности сектантовъ. При помощи Божіей и при покровительственномъ и руководственномъ отношеніи Вашего Высокопреосвященства, сдѣлано и даже немало сдѣлано. Начнемъ прежде всего съ внѣшней обстановки этого св. храма и вспомогательныхъ просвѣтительныхъ учреждений при немъ. При входѣ въ этотъ св. храмъ, при первомъ взглядѣ и общемъ обзорѣ его можно подумать, что для благолѣпія его за истекшій годъ не сдѣлано ничего, но, при внимательномъ осмотрѣ главной части святилища сего, каждый невольно остановитъ свои взоры на украшающихъ св. престолъ благолѣпныхъ евангеліи и дарохранительницѣ, приобрѣтенныхъ на добротныя пожертвованія добрыхъ прихожанъ храма сего. Заслуживаетъ вниманія также рѣдкостное собраніе въ одномъ кюлтѣ образцовыхъ изображеній св. иконъ въ количествѣ 525, которыя соотвѣтственно времени церковнаго празднованія въ честь и память того, или другого священнаго событія, или лица, предлагаются молящимся во храмѣ для поклоненія и лобызанія. Заботою о возвышеніи благолѣпія св. храма сего, при истовомъ и торжественномъ совершеніи Богослуженій въ немъ, при участіи хора пѣвчихъ и при общемъ пѣніи учениковъ трехъ мѣстныхъ церковно-приходскихъ школъ, при неумолкаемой проповѣди за всѣми Богослуженіями, имѣлось въ виду достиженіе той цѣли, чтобы привлечь въ храмъ сей большее число молящихся, собрать и объединить братію св. храма сего въ одно сплоченное словесное стадо, могущее, при общемъ назиданіи съ церковной кафедрой и при взаимной поддержкѣ, дать отпоръ наступающимъ со всѣхъ сторонъ сектантскимъ вѣяніямъ, и собрать по времени значительное количество матеріальныхъ средствъ, достаточное для осуществленія завѣтнаго желанія православныхъ этой мѣстности—построить новый благолѣпный храмъ. Не можемъ пройти молчаніемъ и того, что для воспитанія подростовающаго поколѣнія жителей этой мѣстности г. Тифлиса въ духъ православной вѣры, съ благословенія Вашего Высокопреосвященства, заботами извѣстнаго дѣятеля по народному образованію въ Закавказскомъ краѣ, Окружнаго Наблюдателя церковныхъ школъ губерній Грузинскаго Экзархата, Протоіеря о. Іоанна Іоанновича Восторгова, при существовавшей при этомъ храмѣ раньше церковной школѣ въ прошломъ сентябрѣ мѣсяцѣ открыты еще двѣ церковныя школы, а при школахъ этихъ для взрослыхъ открыта читальня. Вотъ перемѣны, происшедшія во внѣшнемъ благолѣпіи храма сего и въ составѣ просвѣтительныхъ учреждений при немъ.

Но мы по справедливости должны сказать, что не столько произошло за истекшій годъ перемѣнъ во внѣшнемъ благолѣпіи сего вещественнаго рукотвореннаго храма, сколько произошло перемѣнъ и улучшеній во внутреннемъ благолѣпіи духовнаго храма православныхъ жителей этой мѣстности, въ храмѣ ихъ душъ и сердець. Открытыя по распоряженію Вашего Высокопреосвященства и веденныя въ этомъ храмѣ и въ залѣ при 2-й миссіонерской церкви, публичныя бесѣды съ сектантами, при участіи просвѣщенныхъ пре-

подавателей здѣшней духовной семинаріи, несомнѣнно, произвели самое благопріятное вліяніе на религіозныя убѣжденія мѣстнаго православнаго населенія, многихъ изъ нихъ окончательно и на всю жизнь утвердили въ приверженности къ св. православной церкви и убѣдили въ истинности содержимаго ею ученія, послѣ этихъ бесѣдъ нѣкоторые, бывшіе колеблющимися, увидавъ раскрытыя предъ ними заблужденія сектантовъ, со страхомъ отвернулись отъ нихъ, какъ отъ могущихъ погубить не тѣло только, но и душу въ гееннѣ огненной (Лук. 12, 4—5). Сектанты значительно охладили свой религіозный фанатизмъ. Православные стали собираться въ этомъ храмѣ, особенно за все-нощными бдѣніями и литургіями, въ большомъ количествѣ, на первой, на-примѣръ, седмицѣ текущаго великаго поста молящихся въ этомъ храмѣ было столько, что больше и помѣститься было бы негдѣ, такого стеченія молящихся на этой седмицѣ не было, на-примѣръ, въ прошломъ году, да едва ли было когда и раньше. Благодаря публичнымъ бесѣдамъ съ сектантами, узнали объ этомъ храмѣ и православные другихъ отдаленныхъ отсюда мѣстностей г. Тифлиса и многіе изъ нихъ стали посѣщать этотъ храмъ.

За истекшій годъ я, недостойный служитель св. храма сего, ближе и лучше познакомился со своею цаствою, полюбилъ ее всею душею до готовности, не щадя живота своего и не жалѣя силъ своихъ и здоровья, послужить для ея временнаго благополучія и вѣчнаго спасенія, по примѣру Пастыреначальника нашего Господа Иисуса Христа, «пришедшаго не для того, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу свою для искупленія многихъ» (Мѡ. 20, 28). Желалъ бы и я заслужить чѣмъ нибудь любовь къ себѣ своихъ пасомыхъ. А чѣмъ и какъ заслужить? А чтобы заслужить любовь своей цаствы, для этого хотѣлось бы мнѣ послужить ей съ такою же пользою, съ какою я, при помощи Божіей, послужилъ ей въ дѣлѣ веденія публичныхъ бесѣдъ съ сектантами, каковыхъ бесѣдъ цаства моя такъ жаждала, — еще въ другомъ важномъ дѣлѣ, именно, въ дѣлѣ построения новаго благолѣпнаго храма въ этой мѣстности. Вашему Высокопреосвященству извѣстно, съ какими препятствіями для насъ соединено исполненіе этого завѣтнаго желанія нашего. Но для любви и усердія препятствій не существуетъ, любовь и усердіе могутъ преобороть и устранить всякія препятствія. За истекшій годъ мы не упустили ни одного благопріятнаго случая къ тому, чтобы дѣло построения новаго храма хоть нѣсколько подвинуть впередъ и выполнили для этого нѣсколько подготовительныхъ работъ. Извѣстно Вашему Высокопреосвященству, что нами было подано прошеніе объ отводѣ намъ городомъ участка земли для построения храма, извѣстно Вамъ также и о движеніи этого нашего прошенія; но самое главное обстоятельство, которое подаетъ намъ надежду на осуществленіе въ ближайшемъ будущемъ нашего желанія построить новый храмъ, это избраніе на должность церковнаго старосты при этомъ храмѣ такого лица, вся прошлая жизнь и дѣятельность котораго окрыляетъ насъ надеждою, что при его содѣйствіи желаніе наше построить новый храмъ въ ближайшемъ

будущемъ, если и не совсѣмъ осуществится, то во всякомъ случаѣ дѣло это значительно будетъ подвинуто впередъ. Лицо это — мѣстный домовладелецъ и гражданинъ Давидъ Ивановичъ Чапинъ, бывшій наставникъ раскольническаго поповщинскаго толка, пріемлющаго Австрійское священство или бѣлокриницкую іерархію, объ обращеніи котораго въ православную вѣру съ женою, сыномъ и двумя дочерьми трудами бывшаго въ г. Тифлисѣ полковаго благочиннаго, протоіерея о. Каллистова напечатано въ отчетѣ общества возстановленія православнаго христіанства на Кавказѣ за 1889 годъ. Искренно принявши православіе, Давидъ Ивановичъ потомъ много содѣйствовалъ закрытію бывшихъ въ г. Тифлисѣ двухъ раскольничьихъ моленныхъ и многихъ своихъ бывшихъ единовѣрцевъ обратилъ въ православную вѣру, и только сегодня предъ литургіею въ этомъ храмѣ было присоединено къ православной церкви цѣлое семейство раскольниковъ поповщинскаго толка, состоящее изъ семи человекъ, подготовленное къ принятію православія Давидомъ Ивановичемъ. Давидъ Ивановичъ извѣстенъ, какъ человекъ энергичный, дѣятельный и предприимчивый, обладаетъ большимъ житейскимъ опытомъ и знаніемъ условій мѣстной жизни. Теперь намъ есть съ кѣмъ посоветоваться. Ужъ одна представительная наружность его невольно внушаетъ къ нему уваженіе, и избраніе его на должность церковнаго старосты нѣкоторыми обстоятельствами и чертами напоминаетъ избраніе Саула въ царя Израильскаго. Когда при избраніи царя «былъ указанъ и названъ Саулъ, и искали его и не находили. И спросили еще Господа: придетъ ли еще онъ сюда? И сказалъ Господь: вотъ онъ скрывается въ обозѣ. И побѣжали, и взяли его оттуда, и онъ сталъ среди народа, и былъ отъ плечъ своихъ выше всего народа». И сказалъ Самуилъ всему народу: видите ли кого избралъ Господь? Подобнаго ему нѣтъ во всемъ народѣ. Тогда весь народъ воскликнулъ и сказалъ: да живетъ царь» (1 Цар. 10, 21—24). Такими же внѣшнею представительностью и скромностью отличается и вновь избранный ктиторъ св. храма сего. Приспомятанный Высокопреосвященнѣйшій митрополитъ Палладій, въ бытность свою Экзархомъ Грузіи, предлагалъ ему санъ православнаго священника, но, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, онъ не могъ принять это предложеніе. Господь ему судилъ другого рода дѣятельность на пользу церкви православной. При избраніи новаго церковнаго ктитора, мы невольно остановили свое вниманіе на этомъ энергичномъ финансовомъ и общественномъ дѣятелѣ и братія св. храма сего единогласно избрала его на эту должность. Вашему Высокопреосвященству 20 дня прошлаго февраля благоудно было утвердить это избраніе, и только сегодня послѣ литургіи Давидъ Ивановичъ принялъ установленную для церковныхъ старостъ присягу, и такимъ образомъ волею Божіею, изволеніемъ Вашего Высокопреосвященства и гласомъ народа вступилъ сегодня въ отправленіе своихъ обязанностей. Господу угодно было, чтобы въ этотъ именно день Ваше Высокопреосвященство изволили посѣтить этотъ храмъ. Благоволите

же, Высокопреосвященнѣйшій Владыко, обратитъ Ваше милостивѣйшее вниманіе на эту незаурядную личность, на этого новаго дѣятеля (при отъездѣ миссіонерской церкви въ г. Тифлисъ, благоволите передать ему Ваше Архипастырское благословеніе на предстоящій ему нелегкій подвигъ прохожденія обязанностей церковнаго старосты при этомъ миссіонерскомъ храмѣ, находящемся въ переходномъ состояніи, во временной квартирѣ, благословите его, чтобы Господь Богъ помогъ ему, четырнадцать лѣтъ тому назадъ немало содѣйствовавшему закрытію двухъ раскольничьихъ моленныхъ, послужить теперь православной общинѣ и построить новый благолѣпный храмъ со школою при немъ, благословите и его достойнаго помощника, здѣшняго гражданина и домовладѣльца Павла Евдокимовича Егоркина, который состоитъ и попечителемъ школъ при этомъ храмѣ. Извѣстно, что когда Господь Иисусъ Христосъ жилъ на землѣ, Онъ не имѣлъ, гдѣ главы приклонить, но воскресеніи Его и славномъ воскресеніи на небо, въ честь его по лицу земли стали воздвигаться многочисленныя и великолѣпныя храмы, въ которыхъ Онъ невидимо и даже видимо присутствуетъ въ Своихъ Пречистыхъ Тайнахъ на престолахъ, какъ Царь славы въ великолѣпномъ чертогѣ Своемъ. Благословите же ихъ, чтобы Господь помогъ имъ подобно благообразнымъ Иосифу и Никодиму, принесшимъ все необходимое для воздаянія подобающей чести умершему Спасителю и положившимъ Пречистое Тѣло Его во гробъ новъ, создать воскресшему и вознесшему на небо Господу новый великолѣпный чертогъ, достойный величія Царя Славы, для храненія Пречистыхъ Тѣла и Крови Его, чтобы когда «земная ихъ храмина тѣла разорится, они получили бы отъ Бога храмину нерукотворенну, вѣчну на небесѣхъ» (2 Кор. 5, 1). Благословите и всю братію св. храма сего, чтобы она не охладѣвала въ усердіи къ построенію новаго храма и всѣми зависящими отъ нея средствами посодѣйствовала бы новому церковному старостѣ и его помощнику въ ближайшемъ будущемъ выйти со святилищемъ симъ изъ этого квартирнаго помѣщенія. Молитвами св. Владыки нашего Господи Иисусе Христе, Боже нашъ. Аминь*).

Священникъ 1-й миссіонерской Покровской церкви въ г.

Тифлисъ Александръ Дунаевъ.

1903 года, марта 9 дня.

*) Поблагодаривъ о. Дунаева за рѣчь, Высокопреосвященнѣйшій Владыка изволилъ высказать, что все, что сказано въ этой рѣчи, онъ хорошо знаетъ и нужды 1-го миссіонерскаго храма и братіи его онъ весьма близко принимаетъ къ сердцу, вполне соглашаясь съ тѣмъ, что новый храмъ въ этой мѣстности г. Тифлиса весьма необходимъ, но вдругъ всего сдѣлать нельзя, теперь же пока онъ радуется и тому, что дѣлается причтомъ и при-

Къ вопросамъ нашей церковной школы.

(Продолженіе *).

III.

По поводу обвиненія грузинскихъ церковныхъ школъ въ намѣренномъ униженіи русскаго языка въ ряду преподаваемыхъ предметовъ.

Хитра и изобрѣтательна вражда. Со своею противоположною—любовью она имѣетъ то разительное сходство, что одинаково съ нею способна измышлять такіе приемы созиданія и разрушенія, которые при такъ называемыхъ въ психологіи среднихъ чувствахъ безпристрастія и равнодушія никому и въ голову не придуть. Хорошо еще, если она законна въ своемъ возникновеніи и располагаетъ достаточными средствами для достиженія своихъ цѣлей. Тогда она дѣйствуетъ открыто, благородно, мѣрно, оружіемъ неопровержимой дѣйствительности. Но горе, если она зиждется на предубѣжденіяхъ или даже просто капризахъ самодурства и бѣдна силами справедливости. Она въ этомъ случаѣ становится даже не чувствомъ съ опредѣленнымъ содержаниемъ, а какимъ-то слѣпымъ, фанатическимъ безчувствіемъ, бесильной злобой,

хозяевами этого храма. Благословивъ подошедшаго къ нему ктитора храма, Владыка выразилъ желаніе посѣтить новаго ктитора храма въ его домѣ. По окончаніи вечерняго Богослуженія, Владыка долго благословлялъ народъ и бесѣдовалъ съ прихожанами, благодарилъ ихъ между прочимъ за усердное посѣщеніе храма Божія. *«Благодарю проповѣдника вашего, говорилъ Владыка, благодарю и васъ, православные, что такъ усердно посѣщаете этотъ храмъ, благодарю и пѣвчихъ, поютъ твердо, видно, что часто упражняются. Мнѣ у васъ тутъ все весьма нравится, храмъ у васъ маленький, а какъ все у васъ тутъ хорошо дѣлается».* По выходѣ изъ храма, Владыка посѣтилъ и школу, спрашивалъ учениковъ по закону Божию и милостиво бесѣдовалъ съ учителями. Съ дѣтьми Владыка обращался весьма ласково, а на прощанье далъ имъ нѣсколько рублей на гостинцы. Изъ школы Высокопреосвященнѣйшій изволилъ отправиться въ домъ новаго ктитора храма. Прибывъ къ нему въ домъ и благословивъ все семейство Давида Ивановича и бывшихъ въ его домѣ, присоединенныхъ въ тотъ день къ православію, раскольниковъ, Владыка изволилъ милостиво бесѣдовать съ хозяиномъ дома и о. Дунаевымъ о томъ, какими способами дѣло построенія новаго храма можно подвинуть впередъ. Осчастливленный посѣщеніемъ такого высокаго гостя, Давидъ Ивановичъ, по отъѣздѣ Владыки, усердно принялся за исполненіе своихъ новыхъ обязанностей. Прихожане Покровской церкви также остались весьма довольны такимъ вниманіемъ Владыки къ избранному ими представителю ихъ.

*) См. «Дух. Вѣстникъ Грузинскаго Экзархата» № 6 1903 г.

которая предметъ своего дѣйствія чернить и грязнить всячески, тѣмъ и какъ попало.

Къ послѣдней категоріи озлобленнаго безчувствія относится и вражда къ церковной школѣ. Мы уже говорили, что враги церкви и всего церковнаго, желая уронить въ глазахъ общества престижъ нашей церковной школы, называли послѣднюю не школой, а «поповской лачужкой», въ которой обучали будто всякой драни, но не полезнымъ предметамъ, и въ ея небезпечности и безправности витѣли якобы фактическія доказательства своихъ предвзятыхъ мнѣній. Но время—этотъ неумолимо безпристрастный судья—доказало противное: народъ съ любовью вынянчилъ и выростилъ церковную школу, удѣливъ ей лучшія свои симпатіи и надежды, а правительство, внявъ голосу миллионовъ сердець, приняло юную школу подъ свое особое, теплое покровительство. Казалось, злой языкъ долженъ былъ разъ навсегда замолкнуть; но не тутъ то было, ибо себялюбивая непріязнь безпокойна сама по себѣ, нося въ себѣ ядъ самоученія, и неразборчива въ средствахъ, охотно ухватываясь не только за дѣйствительную, но и мнимую соломинку. Не рассчитывая больше на народъ, воочію видящій высокія преимущества своей просвѣтительницы, непріатели церковнаго просвѣщенія задали себѣ цѣлью по крайней мѣрѣ отдаленному правительству завязать глаза; внушить ему подозрѣніе относительно благонадежности церковной школы. Такъ, въ настоящее время съ легкихъ рукъ этихъ непріателей усиленно циркулируетъ слухъ, что въ грузинскихъ церковныхъ школахъ будто съ презрѣніемъ обходятъ государственный языкъ и вытѣсняють его изъ круга преподаваемыхъ предметовъ, не желая его изучать и знать. Слухъ этотъ, какъ должно полагать, достигъ или, по крайней мѣрѣ, скоро достигнетъ и до высшаго правительства и грозитъ стать серьезнымъ вопросомъ.

Сдѣланный отмѣтить, что содержаніе этого слуха—безбожная клевета и ужасная ложь, не имѣющая ничего общаго съ убѣжденіями ея авторовъ. Такою искусственностью и фальшью отдаетъ отъ нея, что страшнымъ призракомъ встаетъ въ душѣ мрачный, недоумѣнный вопросъ, не на такихъ ли фивинскихъ почвахъ разрѣшаются иногда серьезные общественные вопросы, не такъ ли наугадъ пачкають часто имена многихъ безкорыстныхъ общественныхъ тружениковъ... Таковъ, конечно, этотъ слухъ въ мнѣніи всякаго, кто хоть бы разъ заглядывалъ въ нашу церковную школу. Но не всё бывали въ нашихъ школахъ; къ тому же есть люди, которые вѣрятъ всякому слуху; повѣрить ему, быть можетъ, и высшее правительство, знающее нашу школу лишь издали, большею частью по рапортамъ, докладамъ, отчетамъ и по такимъ вообще официальнымъ свѣдѣніямъ, въ которыхъ всякую мелочь можно усмотрѣть не настолько, чтобы не вѣрить доходящимъ со стороны слухамъ. Стало быть, оставить этотъ вопросъ открытымъ значило бы ввести правительство въ многозначущій соблазнъ и быть одинаково равнодушнымъ къ правдѣ и лжи. Посему разборъ и опроверженіе этой гнусной клеветы на грузинскую церковную школу считаемъ святышимъ своимъ долгомъ.

Говорятъ въ грузинской церковной школѣ унижаютъ русскій языкъ и не хотятъ его знать. Но спрашивается: что разумѣютъ подъ знаніемъ русскаго языка въ грузинской школѣ вообще? Если подъ такимъ разумѣютъ то, чтобы семилѣтнія наши дѣти говорили порусски такъ же свободно, какъ и коренно-русскія дѣти того же возраста, то господа клеветники правы, но только по своему, такъ какъ въ порывѣ желанія сказать по адресу церковной школы что нибудь очень обидное забываютъ ту элементарную истину, что ни грузинъ, ни французъ, ни нѣмецъ и ни одинъ вообще не русскій въ возрастѣ отъ семи до десяти лѣтъ не въ силахъ такъ же владѣть русскою рѣчью, какъ коренно-русскій ребенокъ того же возраста, равно какъ и послѣдній не можетъ свободно владѣть другою, не русскою рѣчью, что это законъ дѣтской природы, слѣдствіе особыхъ конструкцій языковъ, а не вина той или другой школы. Правы по своему эти господа и въ томъ случаѣ, если подъ знаніемъ русскаго языка въ грузинской школѣ разумѣютъ знаніе дѣтьми на память цѣлыхъ предлинныхъ басенъ и стихотвореній русскаго произведенія, при чемъ ребенокъ не понималъ бы часто даже ни одного слова изъ того, что самъ говоритъ, какъ это дѣйствительно бываетъ во многихъ начальныхъ школахъ для инородцевъ. Но такое знаніе русскаго языка не принесетъ, кажется, ни малѣйшей пользы ни изучаемому языку и ни изучающему его ребенку. Но если подъ знаніемъ какого бы то ни было языка вообще и русскаго въ частности разумѣть не поугайское, пусто-грохочущее декламированіе заученныхъ фразъ, а рациональное, какъ и должно, толковое, живое усвоеніе духа и законовъ языка, то господа, обвиняющіе нашу церковную школу въ униженіи и незнаніи русской рѣчи, не правы, слишкомъ даже неправы и недобросовѣстны по отношенію не только къ грузинамъ, но и къ русскимъ и даже преимущественно къ послѣднимъ, такъ какъ вводятъ ихъ въ превеликую ошибку и раздоръ съ любвеобильнымъ братскимъ грузинскимъ народомъ. Это своего рода политическое преступленіе, которое слѣдуетъ карать если не закономъ, то по крайней мѣрѣ презрѣніемъ.

И кого собственно касается это злобщее обвиненіе? Надѣюсь, не школы въ абстрактномъ ея представленіи, а какъ-то нибудь живого существа: либо завѣдывающихъ и учителей нашихъ церковныхъ школъ, либо грузинскаго народа, взятаго въ общемъ его составѣ. Если касается первыхъ, то взводимое обвиненіе не только ложно, но и фактически невозможно. Завѣдывающіе и учителя церковныхъ школъ, воспитанные подъ непосредственнымъ руководствомъ русскаго начальства и на началахъ любви къ русскому народу, въ меньшинствѣ достаточно, а въ большинствѣ даже прекрасно владѣютъ сами русскою рѣчью и, какъ таковыя, никогда не пожелають унижить и обойти русскій языкъ въ своихъ школахъ. Если даже пожелають—чего не дай Господи!—они не могутъ этого, такъ какъ на нихъ, какъ увеличительное стекло, направлены глаза сторонниковъ конкурирующей министерской

школы, надъ ними же учиненъ строгій надзоръ учебнаго начальства. А кто такіе начальствующіе? Не говоря уже объ уѣздныхъ отдѣленіяхъ и епархіальныхъ училищныхъ совѣтахъ, въ составѣ которыхъ русскій элементъ достаточно силенъ, во главѣ всѣхъ грузинскихъ церковныхъ школъ стоитъ русскій Окружной Наблюдатель.—Кому, какъ не ему, близки къ сердцу интересы русскаго языка?!

Но обвиненіе вводится, можетъ быть, на грузинскій народъ вообще? Если это такъ, то опять-таки ложь и клевета. Государственный, русскій языкъ грузины любятъ наравнѣ съ роднымъ языкомъ. Если какой нибудь грузинъ и дѣлаетъ различіе между грузинскимъ и русскимъ языками, то всегда непременно въ пользу послѣдняго изъ нихъ. Намъ, быть можетъ, не особенно похвально пренебреженіе родною рѣчью, но неопровержимъ тотъ фактъ, что во многихъ грузинскихъ семьяхъ родители категорически запрещаютъ своимъ дѣтямъ говорить дома по грузински, желая тѣмъ пріохотить ихъ къ изученію государственнаго, русскаго языка. Это явленіе встрѣчается сплошь да рядомъ во всей Грузіи, отъ Кахетіи до Абхазіи и отъ Сванетіи до Ачары. Чѣмъ объяснить это? Непрязнью или любовью къ государственной рѣчи? Отвѣтъ простъ и ясенъ.

Тоже самое наблюдается и въ литературѣ грузинской. Въ нашей публицистикѣ существуетъ общеизвѣстный, глубоко вѣрный афоризмъ, что грузинъ когда пишетъ погрузински, мыслить порусски. Это буквально вѣрно и касается не единичныхъ личностей, а преобладающаго большинства грузинскихъ писателей. Доказательства на лицо: стиль грузинскихъ произведеній послѣдняго времени такъ полонъ руссизма, что читаешь и недоумѣваешь, это оригинально-грузинское произведеніе или переводъ съ русскаго языка. Да, смѣшно въ этомъ признаться, но нужно же называть вещи настоящими именами и ничего не подблещать, когда приходится считаться съ очевидными фактами. Факты же эти таковы, что наши передовыя лица русскій языкъ знаютъ гораздо больше и лучше грузинскаго. Что значить послѣ этого обвинять ихъ въ пренебреженіи къ русскому языку?—Конечно, клеветать.

А простонародье наше? О немъ и говорить излишне. Оно до страсти падко до русской рѣчи и буквально въ нее влюблено. Грузинскій мужикъ за особую себѣ честь считаетъ знать русскій языкъ и не прочь пощеголять нѣсколькими русскими фразами, пойманными имъ гдѣ на-лету, въ школѣ и городѣ. Узки у него понятія объ образованіи, онъ съ боязнью отворачивается отъ школы, не всецѣло довѣряетъ ей*), но если отдаетъ въ нее своихъ дѣтей, то съ тою именно главною цѣлью, чтобы они научились говорить порусски. Откройте специально грузинскую школу, общайте ея питомцамъ золотыя горы, но скажите только, что въ ней русскій языкъ не будетъ прохо-

*) Это—вина насильно навязанной школы, не церковной, и мы поговоримъ объ этомъ при случаѣ.

даться, и народъ нашъ не дастъ вамъ ни одного ученика. Это по совѣсти подтвердить всякій грузинъ, имѣвшій дѣло съ народомъ и школой. «А когда мой сынокъ будетъ порусски знать?»— вотъ первый вопросъ, который задаетъ вамъ нашъ крестьянинъ, когда посоветуете ему отдать ребенка въ школу. И этого ли добродушнаго, но темнаго, ищущаго свѣта и спасенія въ знаніи государственной рѣчи крестьянина обвинять въ томъ, что онъ презираетъ русскій языкъ? Насколько вѣрно такое обвиненіе? Отвѣтъ оставляемъ на совѣсти читателя.

Слѣдствіе глубокихъ симпатій нашего народа къ государственному языку таково, что половина даже сельскаго населенія по крайней мѣрѣ посредственно понимаетъ порусски. Такъ, интеллигентныя лица въ разговорахъ между собою, чтобы оставить ту или другую свою мысль непонятною для присутствующихъ тутъ сельчанъ, должны либо говорить на иностранныхъ языкахъ, либо пестрить русскую рѣчь иностранными словами, либо совсѣмъ молчать, не рискуя выдать тайны.

Но что говорить о какихъ бы то ни было данныхъ! На мѣстѣ все краснорѣчиво доказываетъ, что грузинскій народъ, во всемъ своемъ составѣ безъ исключенія, глубоко уважаетъ и искренно любитъ русскій языкъ, какъ языкъ государственный, какъ живое средство непосредственнаго общенія съ братскимъ русскимъ народомъ, и всячески старается его изучить. Онъ и представить себѣ не можетъ такой у себя школы, которая не давала бы знанія русской рѣчи. И наша церковная школа обрекла бы себя на самоубійство, если бы пошла на переکورъ народнымъ симпатіямъ къ государственному языку. Но она не думала и никогда не подумаетъ такъ ронять себя. Напротивъ, она и только она можетъ обучить грузина русской рѣчи, обосновывая ее на твердыхъ, незыблемыхъ опорахъ рѣчи родной. Въ этомъ дѣлѣ на долю ея выпадаютъ такіе блестящіе успѣхи, которыхъ иная школа, совершенно изгоняющая родной языкъ, при существующихъ порядкахъ никогда не достигнетъ. Быть можетъ да и несомнѣнно, что въ грузинской церковной школѣ относительно самого изученія русскаго языка нужны нѣкоторыя примѣнительныя ко времени и мѣсту улучшенія,—мы объ нихъ когда нибудь подробнѣе поговоримъ,—но эти улучшенія должны коснуться вовсе не внутреннихъ отношеній нашего народа къ русскому языку и не метода обученія (принятый у насъ методъ г. Гогобашвили достигаетъ цѣли), вкравшихся отступленій отъ методовъ и принятыхъ на практикѣ пріемовъ обученія. Но обвинять нашу церковную школу въ движеніи и презрѣніи русскаго языка несправедливо, неосновательно и грѣшно.

Священникъ *Ил. Шубладзе*.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Краткій очеркъ Цалкинскихъ греческихъ приходовъ.

Тяжелыя условия Турецкаго владычества заставили грековъ Θεοδοσιопольской (Эвверумской) епархіи въ 1830 г. переселиться на цалкинское плоскогоріе, Борчалинскаго уѣзда, Тифлисскаго губерніи, гдѣ они образовали 25 поселковъ.

Эти эмигранты, судьбою обреченные въ Турціи на безотрадную жизнь, испытывая притѣсненія и хуленія, находили утѣшеніе лишь въ св. Церкви. Св. вѣра вливала радость въ ихъ жизнь и общественная молитва примиряла съ этимъ тяжелымъ положеніемъ, хотя и въ этомъ претерѣвали не мало горя.

Поселившись въ предѣлахъ благосклонно пріютившей Россіи, они вздохнули свободнѣе, дали просторъ религиознымъ чувствамъ, таившимся въ глубинѣ ихъ сердца, и стали озабочиваться устройствомъ св. храмовъ. Такъ какъ въ Цалкинскихъ пустошахъ, гдѣ поселились они, были старыя полуразрушенныя церкви, они на первое время исправили ихъ, обставили не богатою, вывезенною изъ Турціи, утварью и ризницею и переселившіеся вмѣстѣ съ народомъ священники стали отправлять Богослуженіе. Впоследствии, когда народъ обстроился, стали воздвигать уже новыя церкви. Теперь всѣ штатныя и приписныя села имѣютъ вмѣстительные храмы съ приличными, а иные съ богатыми иконостасами, ризницею, утварью и колокольнями. Всѣ церкви, кромѣ Сантинской (приписной къ Кярякскому приходу) крестообразной къ куполомъ формы, выстроены изъ тесаннаго камня на известковомъ растворѣ, имѣютъ видъ корабля со сводами безъ куполовъ, покрыты черепицею и обнесены каменными оградами. Цалкинцы всегда отзывчивы на нужды своихъ храмовъ и для ихъ благолѣпія не жалѣютъ ни средствъ, ни труда, почему ихъ церкви располагаютъ и своими капиталами.

Въ первое время церковная жизнь этихъ переселенцевъ текла патриархально, какъ и въ Турціи. Не было ни разграниченныхъ приходовъ, ни штатныхъ іереевъ, ни церковныхъ документовъ. Каждая знатная крестьянская фамилія имѣла священниками лицъ изъ своихъ членовъ, что цѣнилось высоко, а насчитывающіе въ родословіи 30 и болѣе іереевъ гордились своимъ происхожденіемъ. Дабы не прекратилось въ родѣ священство, что признавалось небеснымъ гнѣвомъ, многимъ приходилось ѣздить хиротонисаться въ Турцію, если это не удавалось въ Россіи. Церковныя свѣчи приготавливались дома старостою и выручаемыя отъ продажи деньги сужались разнымъ лицамъ подъ проценты съ вѣдома почетныхъ прихожанъ. Но мѣстное епархіальное начальство скоро обратило вниманіе на новую часть и занялось благоустройствомъ ихъ церковной жизни. Съ 1840 года приходы разграничиваются, поставляются штатные священники, заводятся

съ 1842 г. церковныя метрическія книги, хотя по своей малограмотности въ первое время священники рѣдко заносили въ нихъ акты о крещеніи, вѣнчаніи и погребеніи. Церковные документы до 1888 г. велись на греческомъ языкѣ, съ 1888 по 1897 гг. бѣловыя на русскомъ, а черновыя на греческомъ яз., а съ 1897 г. всѣ документы пишутся на русскомъ языкѣ.

Въ настоящее время вышесказанныя 25 поселковъ съ 20 тысячами населенія образуютъ 14 приходовъ, распредѣленныхъ не особенно удобно и равномѣрно. По численности прихожанъ ихъ можно поставить въ такомъ порядкѣ: 1. Бенгташенскій, 2. Бармаксизскій, 3. Башковскій, 4. Кярякскій, 5. Саяамерскій, 6. Едикилейнскій, 7. Кастронскій, 8. Олянскій, 9. Авранлійскій, 10. Кюмбятскій, 11. Имерскій, 12. Рехскій, 13. Квирадховельскій и 14. Хандовскій (сравнительно недавно открытый).

Переходя къ очерку духовной жизни этихъ приходовъ, приходится оговориться, что Цалкинцы, живя тѣсною жизнью со своими пастырями, сильно подчинены вліянію послѣднихъ. До шестидесятихъ годовъ прошлаго столѣтія священствовали въ Цалкѣ люди малообразованные и малограмотные. Обучась въ какой нибудь крестьянской избѣ чтенію, пѣнію и рѣдко письму, легко тогда получали санъ священника. Но не смотря на безотчетное руководительство этихъ простецовъ іереевъ, нравственно-религіозное состояніе народа стояло высоко. Своею доброю жизнью и простымъ безыскусственнымъ пастырскимъ словомъ поддерживали религіозную настроенность народа и обуздывали вспыхивающія ихъ страсти. Сами они вели жизнь простую и доступную, занимались, какъ и прихожане, хлѣбопашествомъ, преимущественно что давало имъ средства къ жизни. Богослуженіе совершали ежедневно, при чемъ утренняя, а въ праздники непосредственно и литургія отправлялась на разсвѣтъ, что соблюдается почти и понынѣ. Доброхотныхъ даяній было очень мало, и рѣдко какой священникъ получалъ съ прихода болѣе трехъ сотъ руб. Поистинѣ было отрадное время. Прихожане внимали голосу своего пастыря, почитали его санъ; службы посѣщали усердно, возжигали свѣчи и свои лампады (у грековъ и понынѣ есть обычай предъ иконостасомъ подвѣшивать свои лампадки и возжигать въ нихъ свой елей); принимали участіе въ церковномъ чтеніи и пѣніи, раздѣлившись на два клироса; строго они соблюдали праздники и посты; св. Таинъ причащались въ годъ нѣсколько разъ; дѣтей обучали церковному чтенію и пѣнію по октоиху, псалтири и апостолу. Честность, кротость, трудолюбіе и гостепрѣимство—были девизомъ изъ жизни. Миръ и любовь царили между духовенствомъ и пасомыми. И всякія возникающія между пасомыми недоразумѣнія улаживались вмѣшательствомъ іереевъ. Нравственно-религіозное состояніе народа остается почти неизмѣнно съ шестидесятихъ до восьмидесятихъ годовъ. Лишь небольшая переимѣна происходитъ во взаимныхъ отношеніяхъ духовенства и съ прихожанами.

Дѣло въ томъ, что въ это время появляются среди духовенства, получившіе нѣкоторое образованіе въ русскихъ школахъ. Они, гордясь своимъ положеніемъ (греки любятъ особенно государственный языкъ и обладающихъ имъ признають счастливыми и окружають ихъ особымъ почетомъ), заручившись властью благочиннаго и его помощника, стали господствовать надъ своими собратьями, относиться пристрастно къ своимъ сродственникамъ, чѣмъ вызвали общее неудовольствіе. Духовенство, по инициативѣ своихъ руководителей требуетъ отъ прихожанъ большаго обезпеченія. Народъ, не находя (подъ давленіемъ тогдашнихъ руководителей духовенства) иного исхода, вступаетъ въ сдѣлки съ священниками. Въ разныхъ приходяхъ разное обезпечиваются священники. Лишь установлено было ругу (драму) давать натурою, а за требы деньгами. Самыя выгодныя условія были заключены въ Клярскомъ и Башковскомъ приходяхъ. Здѣсь съ каждаго двора причтъ получалъ руги (драмы) 6 пуд. 10 фун. пшеницы, 2 пуда ячменя, арбу сѣна, два бревна, 3 фун. масла, курицу и 1 руб. 30 к. деньгами, т. е. около 15 р., а со всего прихода руги причталось болѣе чѣмъ на 2 тысячи р. Кромѣ этого почти во всѣхъ приходяхъ прихожане отводили пахатное и покосное мѣсто отъ 3 до 15 десятинъ. Равно за требоисправленія установлено было особое вознагражденіе почти однообразное для всѣхъ приходоѡ. За вѣнчаніе отъ 7 до 12 руб., похороны взрослыхъ 8 р., крестины 1 руб. и т. д. Довольно выгодныя условія были заключены еще въ Санамерскомъ, Бешташенскомъ, Квирацховельскомъ, Бармаксирскомъ, Имерскомъ, Едикилеинскомъ, Олянскомъ, и Кастронскомъ приходяхъ. Сравнительно не выгодныя условія были заключены въ Авранскомъ, Рехскомъ и Кюмбятскомъ приходяхъ, гдѣ причтъ получалъ всего не болѣе 600—700 руб. въ годъ. Прихожане вначалѣ аккуратно исполняли эти данныя условія, но спустя нѣсколько лѣтъ стали тяготиться этимъ платежемъ и высказываются желанія о прекращеніи этихъ платежей, изъ за чего бывають недоразумѣнія духовенства съ прихожанами. Но одни священники взысканіемъ судебнымъ порядкомъ, другіе дальновидные убавкою доходовъ воздерживають прихожанъ отъ дальнѣйшихъ дѣйствій до поры до времени.

Нельзя не упомянутьъ и объ одномъ добромъ явленіи въ жизни духовенства и прихожанъ—это стремленіи къ просвѣщенію. Они, не жалѣя средствъ, приглашають преимущественно изъ Трапезунта учителей, которые обучаютъ катихизису, церковной и гражданской исторіи, экзегетикѣ, нотному пѣнію, географіи, ариметикѣ, грамматикѣ и письму. По духовнымъ предметамъ давали обширныя свѣдѣнія, но по свѣтскимъ элементарныя. Задачею своею имѣли готовить достойныхъ кандидатовъ во священники и псаломщики. Многіе Цалкинскіе священники, служащіе тамъ или въ другихъ мѣстахъ, своими познаніями обязаны этимъ Трапезунтскимъ дидакаламъ.

Съ восьмидесятихъ годовъ въ составѣ Цалкинскаго духовенства и во

взаимныхъ ихъ отношеніяхъ происходитъ много переменъ. Мало образованные и малограмотные священники уступили мѣста новому поколѣнію—людямъ получившимъ образованіе. Съ этого времени среди духовенства появляются священники съ семинарскимъ образованіемъ. Они, видя ненормальныя взаимныя отношенія своихъ собратьевъ, принимаютъ мѣры къ искорененію ихъ. Но житейское бурное море разбиваетъ вначалѣ же ихъ судно, нагруженное всякими добрыми предначертаніями, и увлеченные теченіемъ и волнами пристають къ разнымъ берегамъ. Дѣло въ томъ, что родственныя связи взяли верхъ надъ ихъ убѣжденіями, и раздѣлившись на два противоположныя лагеря стали поддерживать одни сторону властвующихъ руководителей, другіе подчиненныхъ.—Дѣятелями первой группы были—Кириаковы, Теохари съ Карибовымъ, а второй—Саріевы, Ксенодоховы съ Котановымъ впоследствии. Возникли большія разногласія и даже доносы. Не смотря на то, что въ настоящее время въ составѣ духовенства произошли большія переменны, смѣнилось много благочинныхъ и ушли изъ тѣхъ дѣятелей Теохари, Саріевы и Ксенодоховы, взаимныя разногласія духовенства существуетъ и понынѣ, и каждая изъ партій увлекаетъ въ свою сторону новыхъ священниковъ. Эта партійность до того вѣлась въ плоть и кровь Цалкинскаго духовенства, что пренебрегая всякими позволительными и непозволительными средствами, враждебныя стороны стараются очернить другъ друга предъ епархіальнымъ начальствомъ и прихожанами. Разобраться въ этихъ цалкинскихъ неурядицахъ очень трудно, такъ какъ каждая изъ сторонъ, опираясь на своихъ единомышленниковъ, родственниковъ и знакомыхъ, дѣло выставляетъ въ превратномъ видѣ. Для прекращенія этихъ неурядиць, каковыя имѣютъ пагубное вліяніе на религіозно-нравственную жизнь всей Цалки, могли бы услужить о.о. благочинные своимъ добрымъ совѣтомъ и безпристрастнымъ отношеніемъ.

При такихъ взаимныхъ отношеніяхъ духовенства, и религіозно-нравственное состояніе приходовъ пошатнулось. Лесть, клевета, доносы, лжесвидѣтельство, вражда и развратъ составляютъ въ настоящее время обычное явленіе для Цалки. Духовенство потеряло авторитетъ въ глазахъ прихожанъ и они стали отказывать ему въ доходахъ. Духовенство, оставшись безъ средствъ къ жизни и лишившись своего вліянія на прихожанъ, стало тягаться съ прихожанами и требовать платы за требы. На этой почвѣ возникаютъ крупныя недоразумѣнія съ прихожанами и жалобы. Винить во всемъ и прихожанъ не приходится, такъ какъ неурожаи и малоземелье довело народъ до крайней бѣдности. Для исправленія добрыхъ отношеній духовенства съ прихожанами является крайне необходимымъ обезпеченіе духовенства казеннымъ жалованьемъ, хотя бы въ размѣрѣ 400 руб. на причтъ, какъ это выхлопчено для Хандовскаго, Квирацховельскаго, Башковскаго, Кярякскаго, Рехскаго и Бармаксизскаго приходовъ.

Несмотря на столь печальныя явленія въ жизни Цалкинскихъ прихо-

довъ, пока есть и много отраднaго. Пастыри свои обязанности исполняютъ, аккуратно, многіе совершаютъ богослуженіе ежедневно, назидаютъ народъ своими поученіями и проявляютъ усердіе въ открытіи школъ. Теперь въ Цалкѣ имѣются 8 министерскихъ, 3 мужскихъ и 1 женская церковно-приходскихъ училищъ и 3 училища готовы въ скорости открыться. Особеннымъ сочувствіемъ въ народѣ пользуются церковныя школы и онѣ готовы преобразовать Министерскія въ церковныя, если была бы возможность. Прихожане охотно посѣщаютъ церковныя службы, возжигаютъ свѣчи и свои лампы, принимаютъ участіе въ церковномъ чтеніи и пѣніи, христіанскій долгъ исповѣди и принятія св. Таинъ исполняютъ ежегодно; въ истинахъ вѣры свѣдущи. Рѣдко кого можно упрекнуть въ нарушеніи церковныхъ праздниковъ и постовъ. Пока замѣтно почитаніе старшихъ.

Пожелаемъ, чтобы просвѣщенные пастыри Цалкинскихъ приходо́въ болѣе и болѣе трудились надъ своимъ святымъ дѣломъ, чтобы воспитать изъ своихъ прихожанъ преданнѣйшихъ сыновъ церкви и отечества. Для этого имѣются всѣ благопріятныя условія.

Священникъ *Николай Сотировъ*.

1902 г. іюля 15 дня

М. Геокчай.

Литературное утро въ Тирзниской второклассной учительской школѣ (12 февраля 1903 года).

День тезоименитства Высокопреосвященнѣйшаго Владыки Алексія, Экзарха Грузіи, Тирзниская второклассная учительская школа ознаменовала устройствомъ литературнаго утра, оживившаго въ значительной степени школьную жизнь. Вѣсть объ устройствѣ литературнаго утра была принята учениками съ величайшею радостію. Восторгамъ учениковъ не было границъ, потому что со времени открытія школы (1896 г.) въ ней ничего подобнаго не происходило. Для предполагаемаго торжества произведенъ былъ выборъ русскихъ и грузинскихъ стихотвореній и пѣсенъ; былъ совершенъ соответствующій подборъ чтеневъ. Ученики-чтецы стали усердно готовить назначенныя имъ стихотворенія. Начались усиленныя свѣвки школьнаго хора; чуть ли не каждый день ознаменовывался репетиціями по чтенію и пѣнію избраннаго матеріала. Старались всячески, надлежащимъ образомъ, приготовиться къ столь знаменательному событію въ ученической жизни, каковымъ является литературное утро. Результатомъ всѣхъ этихъ частыхъ репетицій было составленіе программы утра въ слѣдующемъ видѣ:

I О Т Д Ъ Л Е Н I Е .

- 1., Царю небесный исполнить — — — хорь.
- 2., Боже, во Имя Твое спаси мя (концертъ) исполнить — — — хорь.
- 3., „Лѣтописецъ“ Пушкина прочтетъ— Джапаридзе—(ученикъ III класса).
- 4., „Было дѣло подь Полтавой“ исп. — хорь.
- 5., „Родина“ (груз.) исп. — — — хорь.
- 6., „Мужичекъ“ Некрасова прочтуть — Човелидзе Андрей—(учен. I кл.)
и Канчели Елизбаръ—(уч. III кл.).
- 7., „Что ты спишь, мужичекъ“ исп. — хорь.
- 8) „Морозъ и школьникъ“ (груз.) прочт. Гедевановъ—(ученикъ IV отдѣленія образцоваго класса).
- 9., „Пѣсня крестьянина“ (груз.) прочт. Шалугташвили—(учен. III класса).
- 10., „Мошки вокругъ дуба“ (груз.) исп. хорь.
- 11., „Молись, дитя“ (груз.) прочт. — — Хмиадашвили—(ученица жен. шк.).
- 12., Тоже самое (по-русски) проч. — — Сресули—(ученикъ III отдѣленія образцоваго класса).
- 13., „Молитва“ Лермонтова исп. — — хорь.
- 14., „Измѣнчивое время“ (груз.) прочт. Хандамовъ—(ученикъ I класса).
- 15., „О дила“ (груз.) исполнить — — хорь.
- 16., „Демьянова уха“ Крылова прочтуть Шатришвили, Бухрадзе и Ломидзе
Платонъ—(ученики IV отдѣленія образцоваго класса).—
- 17., „Слава на небѣ солнцу высокому“
исполнить — — — — — хорь.
- 18., „Разсказъ бабушки“ (груз.) прочтуть Човелидзе, Дудашвили—(II кл.)
и Шубитидзе—(I класса).
- 19., „Ори одеѣа“ (груз.) исполнить — хорь.
- 20., „Смерть Сусалина“ прочтетъ— — Харшиладзе—(ученикъ II класса).
- 21., „Мы дружно на враговъ“ (маршъ славянъ) исполнить — — — хорь.
- 22., „Человѣкъ“ (груз.) прочтетъ— — Кванчатадзе—(ученикъ III класса).
- 23., „Волкъ и агненокъ“ (груз.) прочт. Басанидзе, Кебадзе и Климиѣва—
(ученицы женской школы).
- 24., „Люблю боронить“ (груз.) исполн. хорь.
- 25., „Кіевъ“ Хомякова прочтуть -- Гокадзе и хорь.
- 26., „Маршъ Петра Великаго“ исполн. хорь.
- 27., „Приголубьте сиротъ“ (груз.) прочт. Тетунашвили—(изъ женской школы).
- 28., „Пойманная птичка“ (груз.) прочт. Едишерашвили и Бужгулашвили—
(учен. II отдѣленія образц. класса).
- 29., „Плачь Мужика“ (груз.) прочтетъ Шагуташвили—(учен. III класса).
- 30., „Элегія“ (груз.) исполнить — — хорь.

Антрактъ 15 минутъ.

П О Т Д Ъ Л Е Н І Е.

- 1., „Любопытный“ Крылова прочтутъ Тваліевъ и Касрадзе—(уч. I кл.).
- 2., „Будемъ веселы, друзья“ исполн.— хоръ.
- 3., „Пастухъ“ (груз.) прочтетъ — — Патарадзе—(уч. IV отд. образц. кл.)
- 4., „Котъ и соловей“ (груз.) прочтетъ Климіева—(уч. изъ женск. школы).
- 5., „Мурманъ, Мурманъ“ (груз.) исп.— хоръ.
- 6., „Трудъ Тинатины“ (груз.) прочтетъ Кебадзе—(учен. изъ женской шк.).
- 7., „Серпъ“ (груз.) исполнить — — хоръ.
- 8., „Пѣсня бѣдняка“ прочтетъ — — Щуровъ—(ученикъ I класса).
- 9., „Мать и дѣти“ прочтетъ— — — Кебадзе, Зерекидзе—(уч. жен. шк.).
- 10., Казачья колыбельная пѣсня“ Лермонтова исполнить — — — хоръ.
- 11., „Потерянный ребенокъ“ (груз.) пр. Харитоновъ—(учен. III класса).
- 12., „Колыбельная пѣсня“ (груз.) исп. хоръ.
- 13., „Насъ семеро“ (груз.) прочтетъ— Мачарашвили—(учен. I класса).
- 14., „Развивается знамя Тамары“ (груз.) исполнить — — — — — хоръ.
- 15., „Два мужика“ Крылова прочтутъ Кванчахадзе, Харитоновъ и Шалуташвили—(учен. III класса).
- 16., „Ай, Дунай, мой Дунай“ исполн. хоръ.
- 17., „Димитрій Самопожертвователь“ (груз.)—въ чтеніи участвуютъ ученики III, II и I классовъ.
- 18., „Напутственная пѣсня“ (груз.) исп. хоръ.
- 19., „Боже, Царя храни“ исполнить — хоръ.

Въ виду того, что при школѣ не имѣется подходящей комнаты для устройства литературнаго утра, то попечитель школы И. Д. Сулхановъ охотно и любезно уступилъ для сей цѣли просторную галлерею въ своемъ домѣ. Означенное утро почтилъ своимъ присутствіемъ Окружной Наблюдатель церковныхъ школъ Грузинскаго Экзархата о. Протоіерей Іоаннъ Восторговъ. Приглашены были также учительскій персоналъ и ученики изъ Ванатской двухклассной церковно-приходской школы.

Предъ литературнымъ утромъ о. Протоіерей Восторговъ въ сослуженіи священниковъ о.о. Лукіанова и Сп. Касрадзе, совершилъ молебствіе св. Алексію, митрополиту Московскому. Молебенъ пѣлъ по-славянски школьный хоръ. Помолившись о драгоцѣнномъ здравіи Владыки-Экзарха, ученики и гости изъ церкви направились въ домъ почетнаго попечителя школы И. Д. Сулханова. Когда всѣ приглашенные собрались въ вышеупомянутой галлереѣ, началось и литературное утро, которое до конца прошло удовлетворительно. Стихотворенія прочитаны были съ воодушевленіемъ, пѣсенки пропѣты оживленно. По характеру своего исполненія чтецы и пѣвцы произвели хорошее впечатлѣніе на присутствующихъ и оставляютъ въ

душѣ ихъ и особенно малышей-школьниковъ надолго свѣтлое воспоминаніе о себѣ и вызвать въ сердцахъ ихъ признательное спасибо устроителямъ и участникамъ въ литературномъ утрѣ.

Священникъ А. Новиковъ.

Февраля 19 дня 1903 года.

Дѣтскій вечеръ въ Горійской двухклассной женской церковно-приходской школѣ.

Въ воскресенье 9 февраля 1903 года въ Горійской женской двухклассной церковно-приходской школѣ состоялся литературно-вокальный съ живыми картинами вечеръ для ученицъ названной школы. Вечеръ начался въ 6½ часовъ вечера пѣніемъ гимна: „Боже! Царя храни“... Вся программа вечера раздѣлена была на два отдѣла, при чемъ каждый отдѣлъ начинался и заканчивался живой картиной. Пѣніе и чтеніе стихотвореній чередовались, и какъ то, такъ и другое было на русскомъ и грузинскомъ языкахъ. Хоромъ изъ ученицъ школы было пропѣто: „Елка“. (Въ школѣ шумно раздается) „მამულის სევებრული“, „დელო-ოდელა“, „ერთი ვლები ვარ სწყალი“, „სამშობლო სევებრისა“ и „Слався, слався“. Въ числѣ же прочитанныхъ стихотвореній и басенъ были слѣдующія: „Ученіе“, „Словъ и Моська“, „Молитва Божіей Матери“, „Любопытный“, „Утренняя пѣсня“, „Мышь и крыса“, „Какой цвѣтокъ“, „Зимній вечеръ“, „Яблочко“, „Молитва“, „Въ школу“, „Бабушка и внучка“, „Демьянова уха“, „ზარმაცი სოფო“, „სურათი“, „ზარმაცი“, „ილოცე ბავშვო“, „ყინვა და პატარა მოწაფე“ и др. Въ концѣ вечера дѣтямъ были розданы въ подарокъ учебныя пособия, матеріаль для рукодѣлія и конфеты. Вечеръ почтили своимъ присутствіемъ Окружной Наблюдатель церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты, Протоіерей Іоаннъ Восторговъ, по дѣламъ службы бывшій въ этотъ день проѣздомъ въ г. Гори, директоръ Закавказской Учительской семинаріи, смотритель Горійскаго духовнаго училища, члены Горійскаго Отдѣленія Грузинскаго епархіальнаго училищнаго Совѣта, учителя мѣстнаго духовнаго училища, родители и родственники учащихся. По окончаніи вечера Протоіереемъ Іоанномъ Восторговымъ учащимъ школы была выражена благодарность: „желательно, чтобы подобное развлеченіе доставлялось дѣтямъ чаще“.

Учит. М. Панджакидзе.

Пять грузинских исторических хроникъ.

Представляя при семь пять отдѣльныхъ хроникъ въ текстѣ съ параллельнымъ переводомъ на русскій языкъ, честь имѣю пояснить, что всѣ эти хроники списаны мною съ „кинклосовъ“ нижепоименованныхъ рукописей: I Гелатской Георгіевской церкви; II, Общества распространія грамотности № 252. III, Канчоевскаго пергаментнаго манускрипта; IV, Общества распространія грамотности № 1204 и V, Гелатскаго „гулани“.

Въ перечисленныхъ рукописяхъ помѣщены „Кинклосы“, т. е. одинъ полный циклъ лѣтосчисленія, заключающій въ себѣ 532 г. Соотвѣтственно этому кинклось составляетъ изъ 532 строкъ, при чемъ въ каждой отдѣльной строкѣ, соотвѣтствующей каждому отдѣльному году (или „короникону“) полного цикла, указываются въ клеткахъ число и мѣсяць наступленія Великаго поста, день Пасхи, эпакта годовая и мѣсячная, врупелѣтіе и т. п. календарныя свѣдѣнія. Такой кинклось есть „вѣчный календарь“, такъ какъ по истеченіи полного цикла, или, что тоже, всѣхъ корониконовъ кинклоса, всѣ указанныя календарныя свѣдѣнія слѣдуютъ въ прежнемъ порядкѣ. Поэтому по окончаніи полного цикла изъ 532 лѣтъ кинклоса или, что тоже, по окончаніи послѣдняго года кинклоса, лѣтосчисленіе снова начинали съ перваго года (или короникона) тогоже кинклоса. Это называлось „обращеніемъ цикла“ (ბრუნვა). Такъ какъ грузины вели лѣтосчисленіе отъ сотворенія міра по циклу, то такихъ „обращеній цикла“ до 248 г. по рожд. Хр. было XI, т. е. до 248 г. по рожд. Хр. XI разъ повторился полный циклъ изъ 532 лѣтъ ($532 \times 11 = 5852$: нужно имѣть въ виду, что грузины считали отъ сотворенія міра до рожд. Хр. не 5508 лѣтъ, а 5604 года). Въ 780 году кончился XII цикл ($248 + 532 = 780$); въ 1312 году—XIII цикл ($780 + 532 = 1312$); въ 1844 году—XIV цикл ($1312 + 532 = 1844$), и въ текущемъ 1903 году идетъ 59-тый годъ (или корониконъ) XV цикла.

На поляхъ такихъ кинклосовъ нерѣдко отмѣчали историческія событія противъ тѣхъ именно годовъ, когда эти событія произошли; такъ что первая строка приписки, поставленная противъ того или другаго короникона или года кинклоса, съ обычнымъ словомъ აქ, т. е. „здѣсь“ или во этомъ году, опредѣляетъ годъ, къ которому со-

бытіе отнесено.— Во избѣжаніе повтореній однихъ и тѣхъ же фразъ въ представляемыхъ хроникахъ мы опустили слово „*აქ*“, т. е. „здесь“ или въ этотъ годъ.

Такой способъ приписки историческихъ событій противъ соотвѣствующихъ году событія строкъ кинклоса представляетъ то неудобство, что, во первыхъ, за неизмѣнимъ достаточнаго мѣста на поляхъ кинклоса, событіе отмѣчалось слишкомъ кратко: дѣлающіе приписки, очевидно, обращали больше вниманія на опредѣленіе хронологіи событій, чѣмъ на самое событіе;— во вторыхъ, если первая строка приписки не поставлена съ совершенною опредѣленностью противъ соотвѣтствующей году событія строки кинклоса, — что легко могло случиться и случалось, — а стоитъ между строками, то это простое обстоятельство можетъ ввести изслѣдователя хронологіи въ ошибку *на одинъ годъ*. Особенно это нужно сказать относительно тѣхъ историческихъ приписокъ къ кинклосамъ, которые списаны вмѣстѣ съ историческими приписками съ другаго оригинала; при чемъ переписчикъ, если онъ не былъ особенно внимателенъ, легко могъ умножить ошибки отъ одной лишь простой, по недосмотру, перестановки первой строки приписки. Этимъ, главнымъ образомъ, объясняется то обычное явленіе въ такихъ хроникахъ, что одно и тоже событіе разными хрониками указывается съ разницею на одинъ годъ и весьма рѣдко съ разницею на два года.

При всемъ томъ хроники эти имѣютъ то особенное достоинство, что онѣ даютъ точныя даты событій, а это такъ важно для внесенія новыхъ хронологическихъ указаній въ грузинскія лѣтописи, такъ бѣдныя хронологическими фактами и для провѣрки установленной царевичемъ Вахуштіемъ, неизвѣстно по какимъ документамъ, и принятой, въ большинствѣ случаевъ безъ измѣненія, академикомъ Броссе хронологіи. Кромѣ того эти хроники провѣряютъ или подтверждаютъ и дополняютъ лѣтописи Грузіи новыми свѣдѣніями, нерѣдко исправляя крупныя ошибки, вкравшіяся въ лѣтописи и особенно во вторую ея часть, составленную главнымъ образомъ царевичемъ Вахуштіемъ.

Въ сознаніи такой важности этихъ хроникъ, мы съ особеннымъ тщаніемъ собирали ихъ и нынѣ у насъ имѣется до двадцати отдѣльныхъ хроникъ съ переченію ряда событій съ хронологическими ука-

заніями отъ конца IX вѣка до середины XIX столѣтія. Эти хроніки и другіе собранные нами матеріалы по исторіи и литературѣ мѣстной мы намѣрены напечатать въ текстѣ при параллельномъ переводѣ на русскій языкъ съ необходимыми объясненіями.

Исторія Грузіи съ ея литературою безъ сомнѣнія внесетъ новый свѣтъ въ темныя стороны политической и общественной жизни не только грузинскаго народа, но и тѣхъ историческихъ народовъ Востока, которыми интересуется европейская наука и съ которыми грузинамъ волею историческихъ судебъ приходилось сталкиваться въ многовѣковой борьбѣ на жизнь и смерть, въ борьбѣ настолько ожесточенной и суровой, что изъ шестимилліоннаго населенія Грузіи нынѣ осталось всего *около одного милліона*. Но и этотъ дошедшій до насъ жалкій остатокъ отъ древняго грузинскаго народа, по богатству и важности его историческихъ, литературныхъ и архитектурныхъ памятниковъ, вполне достоинъ изученія, тѣмъ болѣе, что въ литературѣ грузинской наука имѣетъ новый, еще не початый источникъ для исторіи восточныхъ народовъ, восточнаго христіанства и восточной литературы (арабской и персидской). Одинъ лишь Тифлисскій церковно-археологическій музей, не смотря на многочисленность хранящихся въ немъ древнихъ манускриптовъ, могъ бы представить для науки, особенно науки богословской, не мало новаго, свѣжаго матеріала, если бы были приняты надлежащія мѣры къ изученію этихъ древностей. Особенно интересными для науки мы считаемъ древніе списки житій святыхъ, нерѣдко писанныхъ отъ перваго лица съ указаніемъ иногда имени писателей. Эти житія напоминаютъ древніе мученическіе акты, на основаніи которыхъ въ позднѣйшіе вѣка Симеонъ Логоетъ, патріархъ Ксифилонъ и другіе составители метафрасовъ сочиняли новыя подробныя житія, въ которыхъ историческая сторона повѣствованій крайне затемнилась однообразными фразами, произвольными вставками и внесеніемъ витіевато составленныхъ богословскихъ разсужденій *). Нечего говорить о томъ, что въ грузин-

*) Особенно интереснымъ представляется жизнеописаніе Баграта Понтійскаго (I вѣка) въ пергаментной рукописи, списанной въ 1066 году съ древняго манускрипта, въ которомъ *помѣщена длинная выдержка о бояхъ Сицилійскихъ*. Если даже будетъ доказано, что эта статья принадлежитъ Діодору Сицилійскому, то и въ томъ случаѣ означенный манускриптъ не потеряетъ

ской литературѣ сохранились весьма древніе варианты священныѣхъ и богослужебныхъ книгъ и пѣснопѣній съ нотными знаками. Все это представляетъ новый, почти нетронутый матеріалъ, требующій вниманія просвѣщенныхъ представителей науки и заботъ ученыхъ обществъ.

Что касается историческихъ памятниковъ Грузіи, то они, несмотря на неимовѣрные труды академика Броссе, до сихъ поръ еще не достаточно изучены. Не говоря уже о томъ, что еще не изучены болѣе 10,000 древнихъ актовъ, хранящихся въ разныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ Закавказья и представляющихъ превосходный матеріалъ для изученія юридическаго, бытоваго, социальнаго-гражданскаго и государственнаго строя древней Грузіи и сосѣднихъ съ нею народовъ, самая лѣтопись Грузіи, „Картлисъ—цховреба“ настолько еще темна, что профессоръ Паткановъ въ своей статьѣ „о древней грузинской лѣтописи“ нашелъ возможнымъ отвергнуть ея древность и несомнѣнныя достоинства, а составленіе ея приписать царю Вахтангу VI, жившему въ XVIII в. (Журн. Мин. Нар. Просв. Дек. 1883 г.).

IV. Историческія приписки рукописи Общества распротр. грамотности, № 1204.

Рукопись эта (на бум., „хуцури“) судя по почерку, написана въ концѣ XVI вѣка и представляетъ часословъ, у котораго не достаеь многихъ листовъ. Изъ кинклоса дошло нѣсколько листовъ, на поляхъ которыхъ имѣются нижепоименованныя историческія приписки (отъ 1557 г. по 1702 г., т. е. за 146 л.), касающіяся по преимуществу событій Гуріи и въ частности членовъ владѣтельныхъ князей Гурійскихъ и вносятъ полезныя разъясненія, исправленія и дополненія въ лѣтописи Грузіи и въ изслѣдованія М. Броссе и Д. Бакрадзе, касающіяся владѣтельныхъ князей Гуріеловыхъ. Вотъ эти приписки:

цѣны въ наукѣ, какъ древній вариантъ.—Въ грузинскихъ манускриптахъ встрѣчаемъ два весьма различныхъ варианта жизнеописанія одного и того же святаго, изъ которыхъ болѣе краткіе представляютъ переводы V—X вв., а подробныя принадлежатъ послѣдующимъ вѣкамъ, преимущественно XI—XIII.

სმე—1557 შავთაშაზ ჩადგა ქართლს
 და სომხითს და აღარსა სრულიად
 სეკუთმდის.

1557. Шахъ-Тамазъ занялъ
 Карталиню и Сомхитію и опусто-
 шиль все до Хевта (т. е. до
 ушелій).

По указанію другихъ хроникъ это было въ 1556 г. Нашествіе
 Шаха было вызвано соперничествомъ его съ султаномъ Сулейманомъ,
 который занялъ Месхетію и укрѣпиль городъ Эрзерумъ въ началѣ
 1556 г. Персидскій шахъ не хотѣхъ уступать Грузіи султану. Впро-
 чемъ, тутъ вѣроятно разумѣется другое нашествіе шаха, имѣвшее
 мѣсто непосредственно за первымъ (см. Chronique Georgien, p. 9).

სნს—1570. სვიმონ მუყე ქართლი-
 ს დაიჭიკეს თათართა რშიდ.

1570. Татары (Персы) схва-
 тили Симона, царя Картлійскаго,
 во время схватки.

По указанію всѣхъ остальныхъ хроникъ это случилось въ 1569 г.

სე—1572. ლეონ დადიანი ცხენმაწ
 მოკლას.

1572. Лошадь убила Леона
 Дадіани.

Объ этомъ говорится въ надписи Илорской иконы: Brosset. Vo-
 yage archil. Rap. VIII, p. 99.

სეზ—1579. შავ-ისმეღი გარდა-
 ცხლას.

1579. Умеръ шахъ Исмаиль.

სო—1582. ათბაგს აწუგეკს ულ-
 ლატკს. გაუმარჯვა. თათარი გაქცადა.

1582. Измѣнили атабагу въ
 (сел.) Ацквери; (атабагъ) побѣ-
 дилъ; татары (турки) убѣжали.

Тутъ разумѣется атабегъ Манучаръ. См. Chronique Georg. p. 25.

სოე—1587. ახალციხე ააშენეს
 ურუმთა დასაბამითგან წუელთა შვიდი-
 ათას-ათხმეოცდა-ათოთხმეტია. ნახეთ
 მას უგან საქმე რეგორ მოვად!

1587. Отъ сотворенія міра
 7094 года Урұмы (Турки) постро-
 или (крѣпость) Ахалцихъ. Посмот-
 рите, какъ послѣ этого будутъ
 идти дѣла!

Три хроники согласно полагаютъ это событіе въ 1587 г., хотя
 7094 годъ отъ сотворенія міра падаетъ на 1588 г. См. также Chron-
 que Georg. p. 25.

სოზ—1589. ცნქა (?) აშენეს.

1589. Построили Ганку (?).

Нужно думать, что слово Ганка (ცნქა) есть искаженное Ганджа:

царевичъ Вахуштій въ своихъ хроникахъ говорить, что „въ 1587 г. шахъ-Аббасъ пришелъ въ Ганджу (Елизаветполь) и выстроилъ“ городъ.

Есть возможность предположить, что 863 есть Гелати: подъ тѣмъ же 1589 г. въ хроникѣ № 252 говорится, что „короникона 277—(1587 г.) царь Давидъ Возобновитель началъ постройку Гелати и что *циклъ обращенъ*“. Отсюда слѣдуетъ, что построение Гелати приписывается къ XIII циклу и 277 короникону, т. е. $780 + 277 = 1057$ г. Но такъ какъ Давидъ Возобновитель жилъ позднѣе, а въ 1057 г. царствовали Багратъ IV, то очевидно тутъ разумѣется построение Гелатскаго храма Баграторомъ IV въ 1057. Главный храмъ Гелатскій по достовѣрнымъ свѣдѣнiямъ построенъ Давидомъ Возобн.; Багратъ же очевидно построилъ второй храмъ Гелатскій—св. Георгiя, который во многихъ актахъ дѣйствительно называется „*храмомъ Баграта*“ (подробности см. мои „Хроники“ ст. 144; 202).

სამა — 1591. გურიელს მამიას
 აფხაზეც კავშირჳკა.

1591. Гурiели Мамiа побѣдилъ
 Абхазцевъ.

Мамiа управлялъ 1600—1627, а не 1600—1625, какъ у Вахуштiя и Броссе: Hist. de la Gèorg. II, livr. I, 264. 651. Неизвѣстная исторiя его жена, по актамъ Бичвинтскаго собора №№ 35, 13, называлась Тинатиною, на которой Мамiа женился въ 1597 г., какъ видно изъ этой же хроники (см. подъ 1597 г.).

სპე — 1597. დედოფალი (დეფო)
 ათაბაგის ქალი მამიასნი.

1597. Привели царицу, дочь
 атабага.

По актамъ Бичвинтскаго собора №№ 13, 35 Мамiа II женился на дочери (Манучара II) атабага Тинатинѣ. Замѣчательно, что летопись Грузiи говоритъ о томъ, что именно въ томъ же 1597 г. царь Ростомъ женился на дочери атабага Тинатинѣ. Но такъ какъ рассматриваемая хроника, писанная въ Гурiи, главнымъ образомъ касается происшествiй этой страны, то нѣтъ основанiя сомнѣваться, что здѣсь рѣчь идетъ о женѣ Гурiеля Мамiи II—Тинатинѣ. См. Brosset: tables gènèalog. p. 642; 650. Старшiй сынъ Мамiи II Манучаръ въ исторiи неизвѣстенъ, но о немъ упоминають акты Пиндскаго собора №№ 13, 35.

სწლ—1600. დიდი გურკელი გო- 1600. Великій Георгій Гу-
 რტი მიიწვალა. რიელი умерь.

Разумѣтся Георгій II. Въ актахъ Пицундскаго собора указы-
 ваются неизвѣстные въ генеалогіи Броссе мать Георгія II Тамара и
 жена Маміи I Кетеонъ и братъ Георгія II—Хосротангъ (Вахтангъ?).
 Сынъ же его, Малакія, сдѣлался абхазскимъ католикосомъ 1616 г.

სწლ—1606. სემონ ღაბაძა ბა- 1606. Родился царевичъ Си-
 ტონიშვილი. монъ.

Симонъ былъ сынъ Маміи II Гურიели. Его старшій братъ Ману-
 чаръ, неизвѣстный въ генеалогіи Броссе и Бакрадзе (Археолог. пу-
 тешеств. по Гуріи и Аджаріи, стр. 336), умеръ при жизни отца,
 въ 1612 г. (см. ниже).

სწლ—1610. მამია გურკელმა აჭ- 1610. Мамія Гურიели занялъ
 რა დაიჭინა. Аджарію.

სწლ—1611. ღაბაძანი მანუჩარ 1611. Манучара Дадіани убила
 ტყემანი შოკლა. лошадь.

ტ—1612. მანუჩარ ბატონიშვილი 1612. Умеръ царевичъ Ману-
 შიიწვალა. чаръ.

Манучаръ былъ старшій сынъ Гურიеля Маміи II, неизвѣстный
 исторіи. Но онъ упоминается во многихъ актахъ.

ტკლ—1640. ვახტანგ გურკელი 1640. Умеръ Гურიელი Вахтангъ.
 შიიწვალა. ქახოსრო გურკელად ღაჯდა. Гურიеломъ сдѣлался Кайхосро.

Это свѣдѣніе опровергаетъ указанія Вахуштія о смерти Вах-
 танга въ 1587 г. Впрочемъ, ученый академикъ Броссе находилъ его
 живымъ въ 1640 г. (Уоуаге... Вар. II, 187). Видно, что послѣ убіенія
 Маміи II его сыномъ Симомъ I въ 1627 г., Вахтангъ сдѣлался
 правителемъ Гуріи, а съ 1640 г. его сынъ Кайхосро до 1658 г.
 Все это проливаетъ новый свѣтъ на темную исторію смутнаго вре-
 мени исторіи Гуріи въ XVII в. Д. З. Бакрадзе считаетъ Вахтанга
 сыномъ Георгія II, что представляется вѣроятнымъ. Онъ, должно
 быть, есть вышеупомянутый Хосротангъ.

ტკლ—1648. შიიყანეს (sic) 1648. Привели царицу Хуа-
 დელაფალი სუკამბე. рамзе.

Хварамзе была дочь Гошадзе (Археологич. путеш. по Гурии и Аджарии, стр. 231 и 336). Хроника эта определяет и время выхода ея за мужъ. Въ актахъ въ числѣ ея дѣтей указаны неизвѣстные истори Отія (въ 1664 г. Акты Пицундской церкви № 37) и Малакія, Шемокмедскій митрополитъ, котораго Д. З. Бакрадзе считаетъ дядею Кайхосро. Но академикъ Броссе догадывался, что онъ сынъ Кайхосро (H. de la Georg. II, 651; Rap. VII, 29). Онъ упоминается въ Шемокмедской и Джуматской надписяхъ въ 1658 г., которую Броссе неосновательно исправляетъ 1648 г. (см. подробно въ моихъ „Хроникахъ“ стр. 305—307).

ტმ—1652 დაიბადა ბატონიშვილი გიორგი. 1652. Родился царевичъ Георгій.

Георгій, сынъ Кайхосро Гуріеля. Дата эта неизвѣстна въ другихъ источникахъ.

ტნე—1667. მოეყვანეს დედოფალი იამანო. 1667. Привели царю Тамару.

Разуѣтся жена Гуріеля Георгія Ш. Слово „привели“ означаетъ обвѣнчались.

ტნთ—1671. დაიბადა ბატონიშვილი ქაიხოსრო. 1671. Родился царевичъ Кайхосро.

Сынъ Гуріеля Георгія Ш, управлявшій Гуріею съ 1685 по 1689 г.

ტოკ—1685. ჯუმათელი მარტოპე შიიგვალა. 1685. Умеръ митрополитъ Джуматскій Шарашидзе.

ტოკ—1687. ჯუმათელი იოსებ ბერიძე დაჯდა ჯუმათელად. 1687. Джуматскую кафедру занялъ Іоаннъ Беридзе.

ტოკ—1687. როკეთს შეიბენ; გიორგი გურგული მოკლეს, მისი შვილი ქაიხოსრო დაჯდა. 1687. Въ сел. Рокети была битва; убили Георгія Гуріели; его сынъ Кайхосро сдѣлался Гуріелемъ.

Другія хроники и лѣтопись это событіе указываютъ въ 1684 г. Только одна хроника отмѣчаетъ этотъ случай 1685 г. Георгій управлялъ 1668 г. По Вахуштію послѣ смерти Георгія Гуріелемъ сдѣлался Малахія, сынъ его; и въ 1685 г. онъ былъ изгнанъ и

правление перешло къ Кайхосро II, а послѣ его смерти нѣсколько мѣсяцевъ управлялъ опять Малакія (Kap. VII, 29—35 и I, 37)

ტოზ — 1690. მამია გურიელი 1690. Мамія Гуріели сдѣлался
 დავდა ბატონად. правителемъ (Гуріелемъ).

ტოთ — 1691. მოეყვანეს დედო- 1691. Привели царицу Елену,
 ფალი ელენე აბაშიძის ქალი. дочь (Георгія) Абашидзе.

Дата эта неизвѣстна въ другихъ источникахъ. Елена была жена Маміи III.

ტყე — 1697. ამ ქვს - - - 1697. Въ этомъ году - - -
 სათანსკე ნიკოლოზის შვილი. Аѳанасій, сынъ Николая.

ტყე — 1702. ვიორგო ბატონი- 1702. Родился царевичъ Ге-
 შვილი დაიბადა. оргій.

Такъ какъ эта хроника касается почти исключительно фамиліи Гуріели, то упоминаемый здѣсь Георгій долженъ быть сынъ Маміи, Георгій IV, управлявшій Гуріею съ 1712 г. по 1726 г.

Θ. *Жорданія.*

(Продолженіе будетъ).

Мусульманскія секты въ Персіи и Закавказскомъ краѣ.

(Продолженіе *).

Въ настоящее время ученіе бабидовъ распалось на два толка.

Шейхиди—*послѣдователи Гаджи-Керимъ-хана.* Подтвердивъ въ общемъ основныя начала ученія шейхъ-Ахмеда, Гаджи-Керимъ-ханъ въ то же время нѣсколько уклонился отъ нихъ прибавленіемъ нѣкоторыхъ правилъ, носящихъ, впрочемъ, мѣстами скорѣе практической характеръ, чѣмъ строго религіозный. Прибавленія эти, какъ скоро увидимъ, были вызваны чрезвычайными обстоятельствами времени. Ученіе свое—собственно ученіе шейхъ-Ахмеда съ своими прибавленіями—онъ изложилъ въ особой книгѣ, озаглавленной «Иршадиль-авамъ»¹⁵⁾. Сдѣлавшись фактическимъ главой оставшихся въ Персіи и

*) См. «Духовный Вѣстникъ Грузин. Экзархата» № 6 1903 г.

¹⁵⁾ Иршадиль-авамъ (путеводитель для непосвященныхъ), говорятъ, довольно объемистая книга in folio и состоитъ изъ четырехъ частей, вышед-

въ оной шейхидовъ, Гаджи-Керимъ-ханъ превзошелъ мистицизмомъ своего учителя. По ученію его, атрибуты божества могутъ олицетворяться не только въ святыхъ, но и въ муршидахъ или муштехидахъ, что дало въ послѣдствіи сыну его, Гаджи-Мамедъ-хану, поводъ установить, какъ увидимъ ниже, четыре степени проявленій божественной силы. Разумъ, напр., по ученію Гаджи-Керимъ-хана, какъ одинъ изъ атрибутовъ божества, проявлялся не только въ Мухаммедѣ и имамахъ, но проявляется и въ ученыхъ вождахъ чистаго ислама, каковыми онъ считаетъ муршидовъ или шейхидовъ секты «шейхи». Какъ мистикъ и тарикатистъ онъ также проповѣдуетъ самоусовершенствованіе путемъ самоуглубленія и самопознанія, что можно достигнуть, главнымъ образомъ, веденіемъ созерцательной жизни, покаяніемъ и умерщвленіемъ плоти. Жизнь каждаго творенія, по ученію Гаджи-Керимъ-хана, состоитъ въ соединеніи духа съ матеріей. Духъ бываетъ двоякаго рода: духъ животный или животная жизнь, присущая всеѣмъ вообще твореніямъ, и духъ познающій. На этомъ основаніи онъ признаетъ существованіе двухъ самостоятельныхъ душъ: низшую, общую человѣку и животнымъ, и высшую, присущую только человѣку. Подъ низшею душею онъ разумѣетъ все тѣ психофизиологическія свойства и функціи, которыя присущи въ различныхъ степеняхъ совершенства животному міру вообще; но благороднѣйшая, безсмертная часть человѣческаго существа—это духъ познающій. «Вы имѣете, говоритъ Гаджи-Керимъ-ханъ шейхидамъ, одинаковые съ животными члены тѣла, приспособленные къ поддержанію жизни и одинаковыя съ ними способности къ перенесенію такихъ душевныхъ волненій, какъ гнѣвъ и радость; но въ такихъ способностяхъ, по природѣ присущихъ и животнымъ и людямъ, нѣтъ того, что дѣлаетъ человѣка достойнымъ этого званія. Чтобы стать человѣкомъ въ истинномъ значеніи этого слова, надо получать познанія, имѣть терпѣніе, надо размышлять, соображать, созерцать и упоминать имя Господа (зикръ). Въ кругъ обязанностей человѣка входитъ, кромѣ того, и многое другое, исполнить чего, по краткости человѣческой жизни, не возможно. Старайтесь добиться души человѣческой, посредствомъ которой вы только и можете быть счастливыми. Вся сила въ стремленіи. Кто стремится къ обладанію душею человѣческою—тотъ и есть человѣкъ; въ противномъ случаѣ онъ уподобляется животному». «Люди, говоритъ онъ дальше, дѣлятся на муштехидовъ и мугалитовъ (на учителей и послѣдователей ихъ). Послѣдніе должны подчи-

шихъ одновременно въ теченіи 7—8 лѣтъ. Первая часть была выпущена въ 1263 г. гижры (1846 г. по христіанскому лѣтосчисленію). Я этой книги не видѣлъ; но у меня была въ рукахъ брошюра, написанная Гаджи-Керимъ-ханомъ; въ ней изложено вкратцѣ ученіе шейхидовъ съ его прибавленіями. Содержаніе этой брошюры подтверждаетъ все, что я узналъ объ ученіи шейхидовъ изъ бесѣдъ съ сектантами и ихъ противниками.

няться указаніямъ первыхъ и во всемъ подражать имъ». Вопреки вѣрованію мусульманъ въ предопредѣленіе, въ силу коего Богъ, направляя волю чело-вѣка, дѣлаетъ его неотвѣтственнымъ за свои поступки, Гаджи-Керимъ-ханъ, подобно основателю въ первые времена магометанства секты мутазилитовъ (мутазила), Васылю-ибнъ-Ата, проповѣдуетъ принципъ свободу воли. Отъ чело-вѣка, говоритъ онъ, зависитъ посредствомъ самосозерцанія и самоизученія приблизиться къ божеству; отъ него же самого зависитъ поступать хорошо или дурно, заслужить милость или гнѣвъ и въ воздаяніе за свои поступки получить награду или порицаніе.

Время, въ которое Гаджи-Керимъ-ханъ проповѣдывалъ, и быстрое воз-растаніе числа послѣдователей его, совпали съ усиленнымъ движеніемъ въ Персіи секты бабидовъ, у которыхъ религія со скользкой почвы схоластики и теологическихъ преній перешла на почву политики и социальныхъ вопро-совъ. Примѣшавъ къ своему религіозному ученію теоріи социаль-демократи-ческихъ идей и, стремясь къ введенію въ Персіи религіозно-соціальной ре-формы, бабиды, естественно, возстановили противъ себя правительство и фа-натическое духовенство, сильно ихъ преслѣдовавшія. Боясь, чтобы прави-тельство, подстрекаемое духовенствомъ иснаашаридовъ-усулидовъ, не пере-несло преслѣдованія бабидовъ также и на шейхидовъ и, желая удержать по-слѣднихъ въ границахъ преподаннаго имъ шейхъ-Ахмедомъ ученія, Гаджи-Керимъ-ханъ прибавилъ, какъ сказано выше, нѣкоторыя правила, которыя могутъ быть вкратцѣ изложены такъ:

1) Каждый шейхидъ, желающій, чтобы молитва его была дѣйствительна передъ Богомъ, долженъ подчиниться волѣ Бога, волѣ пророка и волѣ има-мовъ; онъ долженъ остерегаться дурныхъ дѣлъ, перечисленныхъ въ коранѣ и хадисѣ, а равно обязанъ избѣгать суннетовъ ¹⁶⁾, онъ долженъ повиноваться не только всѣмъ правиламъ, исходящимъ изъ корана, не только вѣрить въ масумовъ ¹⁷⁾, но подчиниться ученію своего шейха и всѣмъ его наставле-ніямъ.

2) Пророкъ и одиннадцать имамовъ умерли, двѣнадцатый же имамъ скрылся отъ взоровъ людей. Хотя послѣ этого никому не удалось видѣть его ¹⁸⁾, однако, ученіе его—буквальное ученіе корана—онъ въ свое время

¹⁶⁾ Суннеты—правила о поступкахъ, такъ сказать, безразличныхъ въ религіозномъ и нравственномъ отношеніяхъ. Это такіе поступки, которые хотя кораномъ и не запрещены, но принято за лучшее ихъ не совершать.

¹⁷⁾ Масумы—праведники. Масумами называютъ Мухаммеда, Фатьму и всѣхъ имамовъ.

¹⁸⁾ По ученію усулидовъ, Мухаммедъ-мехти, хотя и не показываясь, изрѣдка, однако, разговариваетъ съ наиболѣе достойными людьми; шейхиди же ствергаютъ какъ это, такъ и то, будто Али взятъ живымъ на небо.

оставилъ тѣмъ, которые были при немъ, и шейхиди, вѣрные этому ученію; обязаны послушаніемъ тѣмъ шейхамъ, которые, согласно тому, какъ это было преподано имамомъ Мухаммедомъ-мехти передъ его исчезновеніемъ, придерживаются ученія корана, буквально и правильно передаютъ содержаніе его народу¹⁹⁾, а не муштехидамъ, объясняющимъ священныя книги (китабъ) сообразно собственному ихъ разумѣнію.

Требуя отъ своихъ послѣдователей строгаго подчиненія своему ученію и, грозя даже проклятіемъ за отступленіе отъ этого ученія, Гаджи-Керимъ-ханъ въ тоже время относится къ усулидамъ чрезвычайно гуманно и къ ученію ихъ съ большимъ достоинствомъ.

3) Въ случаѣ, если принадлежащія къ усулидамъ шиты отнесутся, говорить онъ, оскорбительно къ шейхидамъ, или непочтительно къ личности ихъ шейха, то не отвѣчаютъ оскорбленіемъ, а, напротивъ, быть съ ними добрыми и отвѣчать въ выраженіяхъ ласковыхъ; что же касается самихъ шейхидовъ, то они должны смотрѣть на своего шейха, только какъ на муштехиду, т. е. какъ на авторитетъ въ вопросахъ вѣры и права и ничего больше не приписывать ему. «Кто вздумаетъ—говоритъ Гаджи-Керимъ-ханъ—считать меня не муштехидомъ только, а чѣмъ нибудь инымъ (т. е. облеченнымъ другою властью или существомъ болѣе высшимъ), того буду проклинать, того проклянетъ самъ Богъ и Мухаммедъ, пророкъ его. Усулиди и шейхиди во всѣхъ отношеніяхъ равны между собою, различіе въ ученіяхъ незначительное, хотя и существуетъ съ давнихъ временъ».

4) «Знайτε люди,—говоритъ дальше Гаджи-Керимъ-ханъ,—что Богъ назначилъ вамъ государей (saelatins—множ. число отъ sultan), которые, для управленія вами и для защиты васъ отъ смерти и другихъ бѣдъ, поставили надъ вами своихъ уполномоченныхъ. Поэтому вы обязываетесь повиноваться вашимъ государямъ и властямъ, отъ нихъ исходящимъ, точно такъ, какъ вы обязаны совершать установленныя намазы и исполнять роза (постъ), хумсъ²⁰⁾ и закятъ²¹⁾, какъ вы обязаны бывать въ Меккѣ. Каждый, повинующійся велѣніямъ Бога, долженъ повиноваться своему государю, назначенному Богомъ же. Кто будетъ уклоняться отъ исполненія воли Бога, т. е. отъ исполненія предписаній шаріата и отъ повиновенія воли государя своего, отъ тѣхъ устранятся самъ Богъ и Мухаммедъ, пророкъ его. Въ бѣдствіяхъ, кото-

¹⁹⁾ Шейхиди считаютъ, что полученное ими отъ шейхъ-Ахмеда ученіе есть толкованіе корана самимъ Мухаммедомъ-мехти, переданное преемственно цѣлымъ рядомъ шейховъ, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ. Списокъ этихъ шейховъ очень длиненъ, а потому и не приводимъ его.

²⁰⁾ $\frac{1}{8}$ часть вырабатываемыхъ средствъ, которая дѣлится на двѣ части: одна для муштехиды, а другая для сеидовъ—потомковъ пророка.

²¹⁾ $\frac{1}{10}$ часть земныхъ произведеній для муллъ и бѣдныхъ.

рыя васъ постигнуть, сами будете виновны, какъ вышедшіе изъ повиновенія Бога».

5) «Знайте,—говоритъ дальше Гаджи-Керимъ-ханъ, обращаясь къ своимъ послѣдователямъ шейхидамъ,—что человѣкъ не можетъ жить одинокимъ, что одинъ нуждается въ услугахъ другого. Поэтому вы должны обходиться между собою хорошо, не стѣсняя и не угнетая другъ друга. Къ лицамъ именитымъ или стоящимъ выше васъ по общественному положенію вы должны относиться съ подобающимъ имъ уваженіемъ; съ тѣми же, которые стоятъ ниже васъ, будьте ласковы и милостивы. Соблюдайте справедливость въ дѣлахъ вашихъ; не будьте завистливыми и не питайте ненависти и вражды; старайтесь устранить отъ себя зависть и ненависть другихъ. Если кто нибудь ударитъ васъ по одной сторонѣ головы, подставьте ему другую сторону и скажите, что грѣшная голова достойна, чтобы ее били; не жалуйтесь на обидчика властямъ, такъ какъ мѣра наказанія можетъ превзойти мѣру нанесенной вамъ обиды, и вы будете причиной совершенной несправедливости. Если замѣтите, что кто нибудь причиняетъ обиду вашему единомышленнику, удалите его отъ обидчика, дабы онъ не повергался еще большимъ обидамъ. Имѣйте во всемъ терпѣніе и не составляйте сходовъ для обсужденія дѣлъ вашихъ. Кто будетъ поступать не сообразно сдѣланному нами здѣсь указанію и не будетъ слѣдовать нашему ученію, тотъ не принадлежитъ къ числу шитовъ-шейхидовъ». Ученіе Гаджи-Керимъ-хана нашло откликъ въ сердцахъ его послѣдователей: они достойно оцѣнили его, присвоивъ ему названіе «рыкни-рабе» (четвертый столбъ въ исламѣ).

Въ виду тѣхъ прибавленій, какія Гаджи-Керимъ-ханъ сдѣлалъ къ ученію шейхъ-Ахмеда, усулиди прозвали послѣдователей его также и «гаджи-керимъ-ханы», хотя въ ученіяхъ шейхидовъ—послѣдователей Гаджи-Керимъ-хана и настоящихъ «гаджи-керимъ-ханы»—послѣдователей Гаджи-Мамедъ-хана большая разница. Названіе это въ устахъ усулидовъ сдѣлалось презрительнымъ и служить синонимомъ вѣроотступничества.

Первымъ распространителемъ ученія шейхъ-Ахмеда въ Закавказскомъ краѣ былъ шушинскій житель Мирза-Абдурагимъ-Молла-Багиръ-оглы. Пробывъ нѣсколько лѣтъ въ Аравіи и Персіи и, изучивъ тамъ, подъ руководствомъ самого шейхъ-Ахмеда, богословіе, Мирза-Абдурагимъ въ тридцатыхъ годахъ вернулся на родину, въ Шушу, гдѣ сталъ проповѣдывать ученіе своего учителя. Новое ученіе должно было понравиться шушинцамъ, такъ какъ пропаганда въ короткое время сдѣлала большіе успѣхи: почти все шушинскіе мусульмане примкнули къ ученію, принесенному Мирза-Абдурагимомъ. Не ограничиваясь тѣсными предѣлами города, новое ученіе перебралось въ селенія, захватывая все большую и большую область. Въ пятидесятыхъ годахъ возвратился изъ Кербеле другой шушинецъ, Мирза-Абдуль-Касымъ-Мирза-Али-оглы и въ скорости былъ назначенъ уѣзднымъ казіемъ.

Новый казіи, изъ фанатизма ли, или потому, что въ качествѣ официального духовнаго лица считалъ себя обязаннымъ противодѣйствовать вновь распространяющемуся ученію, сталъ изобличать шейхъ-Ахмеда и его послѣдователей въ Шушѣ въ ереси, призывая на головы вѣроотступниковъ всѣ ужасы ада. Началось обратное движеніе и многіе изъ шейхидовъ опять вернулись къ вѣроученію усулидовъ. Быть можетъ, этимъ дѣло вѣроотступничества и кончилось бы, и всѣ послѣдователи шейхъ-Ахмеда въ Шушѣ постепенно вернулись бы къ прежнему вѣроученію; вернулись бы къ прежнему вѣроученію и сельскіе жители, привыкшіе подражать во всемъ шушинцамъ. Но случилось нѣчто такое, что одинаково возбудило негодованіе какъ шейхидовъ, такъ и усулидовъ. Дѣло въ томъ, что казіи счелъ своею обязанностью донести на Мирзу-Абдурагима начальству, намѣренно выставляя новое ученіе въ искаженномъ видѣ и обвиняя распространителя его въ Шушѣ чуть ли не въ государственномъ преступленіи. Слѣдствіемъ этого была высылка Мирзы-Абдурагима изъ Шуши административнымъ порядкомъ (впослѣдствіи онъ былъ возвращенъ обратно). Такой поступокъ со стороны Мирзы-Абдуль-Касыма возбудилъ негодованіе почти всѣхъ шушинскихъ мусульманъ, такъ какъ, какое бы значеніе ни имѣло новое ученіе для ислама,—ученіе, безразличное въ христіанскомъ государствѣ, коль скоро оно ограничивается сферою чисто религіозною,—самъ Мирза-Абдурагимъ былъ человекъ умный, развитой, безукоризненно честнаго поведенія и считался ученымъ богословомъ, что, главнымъ образомъ, и расположило въ его пользу всѣхъ шушинскихъ мусульманъ. Обратное движеніе приостановилось и шушинскіе мусульмане раздѣлились на два враждебныхъ лагеря. Началась борьба, нерѣдко сопровождавшаяся взаимными оскорбленіями. Каждое новое оскорбленіе съ одной стороны, вызывало оппозицію и усиленное движеніе религіознаго чувства съ другой, и враждебныя отношенія, все болѣе и болѣе обостряясь, готовы были одно время вспыхнуть открытымъ столкновеніемъ, во время предупрежденнымъ вмѣшательствомъ власти.

Число шейхидовъ въ Закавказскомъ краѣ теперь незначительно; оно доходитъ до 793 дворовъ, или до 3800 душъ обоюга пола и всѣ почти живутъ въ Шушѣ, лишь немногіе изъ нихъ живутъ въ Шушинскомъ и Зангезурскомъ уѣздахъ. Говорятъ также, что небольшое число шейхидовъ проживаетъ и въ Ленкоранскомъ уѣздѣ Бакинской губерніи.

Гаджи-Керим-ханы—послѣдователи Гаджи-Мамедъ-хана ²²⁾. Гаджи-Ке-

²²⁾ Ученіе этой секты, недавно возникшей, еще мало распространено, по крайней мѣрѣ среди мусульманъ Закавказскаго края. Поэтому печатные или писанные источники объ этомъ ученіи, если и прѣникли уже изъ Персіи, то тщательно скрываются, такъ что изложенное въ этой главѣ есть только выводъ изъ тѣхъ свѣдѣній, которыя я собралъ, бесѣдуя съ сектантами и ихъ противниками.

римъ-ханъ умеръ, оставивъ шейхидамъ ученіе, проникнутое любовью къ ближнимъ, ученіе, подобнаго которому въ мусульманскомъ мірѣ еще не появлялось. На мѣсто Гаджи-Керимъ-хана былъ избранъ муршидомъ сынъ его Гаджи-Мамедъ-ханъ, считающійся теперь, правда, только номинальнымъ духовнымъ главой секты шейхидовъ. Унаслѣдовавъ отъ отца своего расположеніе къ созерцательной жизни и любознательности, онъ развилъ свой умъ до способности къ абстрактному мышленію; онъ не только, какъ говорятъ, основательно знакомъ былъ съ древнею философіею, но изучилъ и христіанское богословіе, преимущественно протестантизмъ. Выступивъ изъ заколдованнаго круга, въ которомъ находились до него основатели мусульманскихъ сектъ остававшіеся вѣрными основнымъ принципамъ шіизма, каково бы ни было ихъ свободомысліе по отношенію къ отдѣльнымъ религіознымъ вопросамъ, Гаджи-Мамедъ-ханъ вовсе уклонился отъ принциповъ ислама. Ученіе его такъ рѣзко и радикально расходится съ ученіемъ предшествовавшихъ ему муршидовъ, что внесло расколъ въ самую секту шейхидовъ. Это уже не отпрыскъ какой нибудь религіозной секты, несходящейся въ толкованіи тѣхъ или другихъ мѣстъ корана, или въ детальномъ примѣненіи религіозныхъ принциповъ, а настоящая секта съ совершенно особыми принципами и вѣрованіями, настолько отличными, что ничего общаго съ принципами и вѣрованіями вообще мусульманъ не имѣють.

Всѣ шіитскія секты одинаково признають трехъ степеней проявленія единой божественной силы: проявленіе божественной силы въ самой себѣ, т. е., въ ея атрибутахъ и модусахъ, это—высочайшій божественный разумъ, это—сила самаго Бога, проявленіе божественной силы, или духа святаго, въ Мухаммедѣ, т. е., силы, данной Богомъ Мухаммеду, какъ своему пророку и наконецъ, проявленіе этой же силы въ меньшей степени, т. е., въ смыслѣ наитія божества, въ имамахъ. Гаджи-Мамедъ-ханъ въ своемъ ученіи прибавилъ четвертую степень проявленія божественной силы, т. е., силы, проявляющейся въ разумѣ, превосходящемъ средній человѣческій разумъ. Послѣднія три степени проявленія божественной силы суть, по ученію Гаджи-Мамедъ-хана, только различныя степени проявленія умственныхъ и мыслительныхъ способностей, дѣятельность которыхъ имѣетъ мѣсто лишь при жизни и оканчивается со смертію. Исходя изъ этого начала, Гаджи-Мамедъ-ханъ учитъ, что значеніе Мухаммеда и имамовъ, какъ вождей ислама, окончилось съ ихъ смертію, что не только каждая эпоха, но и каждый народъ имѣлъ своего религіознаго вождя и истолкователя воли Бога, что какъ за Мухаммедомъ и имамами, такъ и за слѣдовавшими за ними вождями—муштехидами, муршидами или шейхидами—должно признавать божественную силу лишь настолько, насколько это было нужно каждому для своего времени, что послѣдній имамъ, Мухаммедъ-мехти, не скрылся, чтобы современемъ снова явиться въ мірѣ, а умеръ, какъ умирають всѣ люди,—естественнымъ или насильственнымъ способомъ, что его вполне замѣняютъ муршиды и шейхи, обладающіе четвертою

степенью божественной силы, что безсмертія въ томъ смыслѣ, какъ это понимается правовѣрными мусульманами, нѣтъ, что безсмертна только душа, а не тѣло, что двери рая открыты для всѣхъ, творящихъ добро, къ какому бы религіозному ученію они ни принадлежали, что не одна лишь молитва, а молитва, подкрѣпленная добрыми дѣлами, ведетъ къ спасенію души, что Богъ одинъ для всѣхъ, что различіе въ обрядахъ и способахъ вѣроисповѣданія доказываетъ только различіе въ образѣ мыслей людей, а не превосходство одного вѣроисповѣданія передъ другимъ, что всѣ религіи хороши, если основаніемъ ихъ служитъ любовь къ ближнему и совершенство человѣческихъ отношеній. Одинъ изъ наиболѣе важныхъ принциповъ ученія Гаджи-Мамедъ-хана заключается въ слѣдующемъ: Богъ—создатель вселенной; величіе его въ его твореніяхъ; чтобы познать Бога, надо изучать его творенія.

Такимъ образомъ, религіозно-философское ученіе Гаджи-Мамедъ-хана подрываетъ въ корнѣ не только ученіе иснаашаридовъ и самый принципъ шиизма, но и основныя начала ислама. Понятно, что ученіе секты, устанавливающей принципъ равенства всѣхъ передъ Богомъ и такъ рѣзко отличающееся отъ ученія ислама, не можетъ еще имѣть значительнаго числа приверженцевъ, встрѣчая сильное сопротивленіе въ консерватизмѣ шиитовъ различныхъ сектъ и толковъ, которыми изобилуетъ Персія; понятно также, почему шейхъ-Ахмедъ, явившись предвозвѣстникомъ новыхъ ученій, наиболѣе возбудилъ противъ себя ненависть усулидовъ; на него они возлагаютъ отвѣтственность за идеи, логическимъ послѣдствіемъ будто бы которыхъ являются ученія Баба, Гаджи-Керимъ-хана и Гаджи-Мамедъ-хана, ученія, ближе стоящія къ христіанскому идеалу, чѣмъ мусульманскому. Нѣтъ сомнѣнія, говорятъ усулиды, что возникновеніе этихъ сектъ обязано въ значительной степени христіанскимъ миссіонерамъ и, главнымъ образомъ, Лондонскому библейскому обществу, распространившему по востоку громадное число экземпляровъ ветхаго и новаго завѣтовъ и другихъ книгъ священнаго писанія. Это, повидимому сознало и персидское правительство, въ 1880 году строго воспретившее появленіе книгоношъ этого общества на всемъ пространствѣ Ирана. Что между возникшими въ Персіи новѣйшими ученіями и распространеніемъ христіанскихъ священныхъ книгъ существуетъ связь, хотя, быть можетъ, и не въ такой степени, какъ кажется мусульманамъ, видно изъ того, что среди сектантовъ—послѣдователей Гаджи-Мамедъ-хана распространено евангеліе и другія христіанскія священные книги на арабскомъ, персидскомъ и татарскомъ нарѣчіяхъ, а нѣкоторые изъ нихъ даже тайно отъ мусульманъ посѣщали армяно-протестантскій молитвенный домъ въ Шушѣ.

Сколько въ Закавказскомъ краѣ послѣдователей Гаджи-Мамедъ-хана, неправильно называемыхъ «гаджи-керимъ-хановъ», трудно узнать съ достовѣрностью; но въ городѣ Шушѣ и въ нѣкоторыхъ близлежащихъ къ этому городу селеніяхъ было въ 1892 году не болѣе 150 человѣкъ. Сами сектанты тщательно скрываютъ свои религіозныя убѣжденія и даже увѣряютъ, что

принадлежать къ шейхидамъ, хотя они одинаково презираемы какъ усулидами, такъ и шейхидами.

Перехожу къ краткому изложенію исторіи возникновенія въ исламѣ наиболѣе симпатичной изъ всѣхъ сектъ—къ сектѣ бабидовъ и ея ученія. Усулиды говорятъ, если бы не было ученія шейхъ-Ахмеда, не могло бы быть ученія Баба. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что идеи перваго дали начало ученію послѣдняго. Съ такимъ заключеніемъ нельзя не согласиться. Невѣрно, однако, будто социаль-демократическія идеи доведены въ немъ до отрицанія частной собственности. Такое мнѣніе пущено было въ обращеніе врагами ученія Баба послѣ того, какъ признана была опасность его для господствовавшаго въ 40-хъ годахъ прошлаго столѣтія политическаго строя Персіи. Проникнутое свободой религіозной совѣсти, ученіе Баба, лишь только оно появилось на свѣтѣ, сдѣлалось знаменемъ всѣхъ недовольныхъ социальнo-политическимъ строемъ Персіи и, поколебавъ вѣру въ правила шаріата, игравшія роль религіозныхъ тисковъ, вызвало скептическое отношеніе сначала къ основнымъ принципамъ шіизма, а затѣмъ, перешагнувъ границы Ирана, и къ принципамъ ислама вообще. Объявивъ упорную борьбу потерявшимъ смыслъ и значеніе обветшалымъ религіозно-нравственнымъ принципамъ, ученіе это отвлекло умы мыслящихъ мусульманъ отъ схоластически бесплодныхъ религіозно-метафизическихъ мечтаній. Сухая и безжизненная доктрина ислама, получившая нѣкогда практическое осуществленіе лишь путемъ огня и меча, долго тормозившая политическое, духовное и нравственное возрожденіе милліоновъ людей и всегда стоявшая въ противорѣчьи съ жизнью и ея требованіями, не могла устоять въ борьбѣ съ истинно реальною философскою мыслию и ея этическими стремленіями: доктрина эта шагъ за шагомъ стала уступать живому ученію, основанному на социальнo-демократическихъ принципахъ, на равенствѣ и братствѣ, какими проникнуть современный намъ бабизмъ. Ормуздъ одержалъ побѣду надъ ариманомъ.

Прибавимъ, что первоначальный бабизмъ Али-Мухаммеда съ его абстрактными идеями и мистическою философіей суфіевъ имѣеть мало общаго съ современнымъ бабизмомъ, творцомъ котораго явился одинъ изъ позднѣйшихъ послѣдователей основателя ученія—Мирза-Хусейнъ, прозванный Вежа-Улмей (блескъ Божій). Развивая дальше ученіе своего учителя, Мирза-Хусейнъ превзошелъ послѣдняго широтою взгляда, глубиною мысли, ясностію пониманія опредѣленной цѣли и гуманностію принциповъ. Нѣтъ сомнѣнія, что бабизму въ его послѣдней фармаціи принадлежитъ широкая будущность: бабизмъ—это тотъ путь, встрѣтившись на которомъ христіанство и просвѣтленный исламъ протянутъ другъ другу руки.

Представители бабидовъ появились почти повсемѣстно въ Закавказьѣ въ теченіе послѣднихъ шести-семи лѣтъ. Ни одна изъ мусульманскихъ сектъ, распространенныхъ въ Восточномъ Закавказьѣ, не сдѣлала столь быстрыхъ успѣховъ, какъ бабизмъ. Наше мусульманское духовенство, сознавая всю

опасность, которой подвергается шиизмъ, направляетъ свои стрѣлы противъ бабизма. И тѣмъ не менѣе число бабидовъ постоянно возрастаетъ. Правовѣрные (усули), желая воспрепятствовать поступательному движенію бабизма въ Закавказьѣ, неоднократно обращались къ содѣйствію мѣстной власти. Но, конечно, не христіанскому правительству вмѣшиваться въ распри мусульманъ, пока онѣ остаются на почвѣ чисто религіозной, чтобы противодѣйствовать распространенію гуманнаго ученія, тѣсно соприкасающагося своими нравственными принципами съ принципами христіанскаго ученія.

Бабизмъ, движеніе котораго было въ сороковыхъ годахъ временно подавлено цѣною тысячи человѣческихъ жертвъ и потоками крови, явился въ Персіи подъ вліяніемъ мистическаго ученія секты «шейхи», основателемъ которой былъ муддеррисъ шейхъ-Ахмедъ-Бахрейни, суфій и ревностнѣйшій проповѣдникъ тариката. Послѣ смерти послѣдняго въ началѣ сороковыхъ годовъ, главою шейхидовъ былъ избранъ Гаджи-Сеидъ-Кязумъ, одинъ изъ учениковъ котораго былъ Сеидъ-Мирза-Али-Мухаммедъ. Склонный по природѣ къ уединенію и аскетическимъ подвигамъ, Мирза-Али-Мухаммедъ не чувствовалъ себя способнымъ къ продолженію дѣятельности отца своего, скромнаго торговца въ Ширазѣ, и 23-хъ лѣтъ отъ роду, покинувъ родительскій домъ, онъ отправился въ Кербеле къ муршиду Гаджи-Сеидъ-Кязуму. Скоро послѣ этого Гаджи-Сеидъ-Кязумъ умеръ и Мирза-Али-Мухаммедъ, въ качествѣ ревностнаго ученика его, былъ избранъ главою шейхидовъ. Послѣ своего избранія онъ отправился въ Мекку, откуда вернулся лишь по прошествіи двухъ лѣтъ, но не въ Кербеле, гдѣ, въ качествѣ главы шейхидовъ, долженъ былъ находиться, а въ Ширазѣ. Тамъ, назвавшись «бабомъ» (что означаетъ на языке религіозно-философской школы суфиевъ дверь), онъ сталъ распространять новое ученіе, состоявшее въ толкованіи корана Магомета согласно современнымъ требованіямъ жизни. Но скоро, переставъ довольствоваться ролью толкователя корана, онъ написалъ свой собственный коранъ. Одни говорятъ, что коранъ свой онъ писалъ въ Ширазѣ, но до поры до времени держалъ его втайнѣ даже отъ своихъ послѣдователей; другіе говорятъ, что онъ его писалъ въ Испагани и не безъ вѣдома Мухтедида-Миръ-Сеидъ-Мухаммеда, одного изъ свѣтилъ шиитской теологіи. Строгий аскетическій образъ жизни и убѣжденность проповѣди сдѣлали мало-по-малу изъ Мирзы Али-Мухаммеда пророка, за которымъ всюду слѣдовала толпа и съ жадностью ловила каждое его слово. Такимъ образомъ образовалась въ Персіи секта бабидовъ, разросшаяся въ короткое время до грозной антигосударственной силы.

Секта шейховъ, оставшись безъ главы, начала распадаться: одни изъ ея адептовъ вернулись обратно въ лоно чистаго шиизма (усули), другіе обратились къ ученію Гаджи-Мамедъ-хана, основавшаго мистическую полухристіанскую-полумусульманскую секту, извѣстную подъ названіемъ «Гаджи-керимъ-ханы», третьи, наконецъ, и самое большее число ихъ, обратились къ ученію

Сеидъ-Мирзы-Али-Мухаммеда-Баба, число приверженцевъ котораго возрастало съ удивительною быстротою, благодаря, главнымъ образомъ, политическому характеру самого ученія. Сподвижниками Баба, игравшими важную роль въ религіозно-политическомъ движеніи бабидовъ, были: Молла-Хусейнъ-Бушури, Молла-Юсуфъ изъ Ардебиля, Гаджи-Мухаммедъ, Ага-Мухаммедъ-Али и два брата изъ Езды-Сеидъ-Хасанъ и Сеидъ-Гусейнъ. Каждый изъ нихъ имѣлъ, въ свою очередь, и своихъ приверженцевъ, также распространявшихъ отъ имени Бабы, но лично его не знавшихъ, новое ученіе.

Тогдашній губернаторъ Ширазской провинціи, Гусейнъ-ханъ, которому начавшееся движеніе бабидовъ казалось опаснымъ, приказалъ привести къ себѣ Сеида-Мирзу-Али-Мухаммеда. Но такъ какъ послѣдній на всѣ доводы и убѣжденія отвѣчалъ только дерзостью, то Гусейнъ-ханъ приказалъ наказать его плетми, угрожая ему и смертью, если онъ не прекратитъ дальнѣйшаго распространенія своего ученія. Мирза-Али-Мухаммедъ-Баба, опасаясь насилія, бѣжалъ въ Испагань. Въ этомъ бѣгствѣ изъ Шираза въ Испагань, подобно бѣгству Магомета изъ Мекки въ Медину, бабиды видѣли подтвержденіе тому, что Бабъ дѣйствительно былъ пророкомъ. Въ Испогани онъ нашелъ пріютъ у знаменитаго муштехида Миръ-Сеидъ-Мухаммеда, тайно сочувствовавшаго его ученію. Гостепріимство, которымъ онъ пользовался у послѣдняго, гарантировало ему свободу. Распространяя и тутъ свое ученіе, онъ навлекъ на себя подозрѣніе испоганскаго губернатора Манучехръ-хана, по приказанію котораго Баба испытывали въ правилахъ вѣры; но тутъ въ его вѣрованіяхъ не нашли будто бы ничего еретическаго или опаснаго для государственнаго строя, тѣмъ не менѣе онъ былъ лишентъ свободы; однако, изъ уваженія къ пріютившему его муштехиду, давшему объ немъ удовлетворительный отзывъ, его держали въ почетномъ заключеніи—въ домѣ самого Миръ-Сеидъ-Мухаммеда.

Въ 1847 году, по повелѣнію Мухаммедъ-шаха, Сеидъ-Мирза-Али-Мухаммедъ-Бабъ былъ арестованъ и изъ Испогани отправленъ въ Макку—маленькій городокъ на границѣ Азербейджана, а оттуда въ Урмію; но сектаторъ и тутъ не успокоился. Когда пребываніе его и въ Урміи оказалось опаснымъ по тому вліянію, которое онъ началъ приобретать на общее расположеніе умовъ и когда всѣ усилія бывшаго въ то время губернаторомъ Азербейджана, наслѣдника шахскаго престола, отклонить его отъ ложнаго и опаснаго ученія оказались безуспѣшными, его отправили въ Тавризъ, гдѣ передали въ руки духовенства, на которое возложено было убѣдить его оставить еретическое ученіе и не возмущать умы, но когда оказалось, что упорный и опасный сектаторъ не поддается никакимъ увѣщаніямъ, его изъ Тавриза отправили въ крѣпость Джахра. Пока его пересылали съ одного мѣста въ другое, число приверженцевъ наросло съ неимовѣрною быстротою, и въ 1852 году, по вступленіи на престолъ Насръ-Эддинъ-шаха, бабиды подняли знамя возстанія за торжество своей идеи сначала въ Хоросанѣ, а затѣмъ и въ Шейхъ-Те-

берси. Во время самаго возстанія Сеидъ-Мирза-Али-Мухаммедъ-Баба перевели изъ крѣпости опять въ Тавризъ—подальше отъ мѣста возстанія. Тутъ, послѣ новаго бесплоднаго увѣщанія оставить еретическую пропаганду, онъ былъ разстрѣлянъ. Тогда же былъ казнень и одинъ изъ двухъ наиболѣе фанатичныхъ его послѣдователей, доставленныхъ въ Тавризъ, одновременно съ нимъ Сеидъ-Хасанъ. Другой, Сеидъ-Гусейнъ, отрекшійся отъ новаго ученія передъ самою казнью, былъ отпущень на свободу. Заклейменный за это отступничество презрѣниемъ, Сеидъ-Гусейнъ, скоро совсѣмъ скрылся и пропалъ безъ вѣсти. Съ того рокового дня, когда совершилась казнь Сеидъ-Мирзы-Али-Мухаммеда, началось непрерывное преслѣдованіе бабидовъ, вызвавшее скоро новое возстаніе въ Зенджанѣ, гдѣ бабизмъ свилъ себѣ тогда главное гнѣздо. Возстаніе это было подготовлено однимъ изъ числа приведенныхъ выше послѣдователей Баба, Молла-Мухаммедъ-Алиемъ. Когда о возстаніи этомъ узнали въ Тегеранѣ, оттуда немедленно отправили для усмиренія его сарбазовъ подъ начальствомъ тегеранскаго бегляръ-бека Мухаммедъ-хана. Тѣмъ временемъ бабиды воздвигли себѣ нѣчто въ родѣ крѣпости. Заготовивъ въ ней нѣкоторый запасъ провіанта и пороха, они держались противъ шахскаго войска нѣсколько мѣсяцевъ. Когда средства къ дальнѣйшей борьбѣ истощились, они были частью перебиты и частью захвачены живыми. Только немногимъ изъ возставшихъ удалось скрыться.

Захваченные бабиды были приведены въ Тегеранъ. Тамъ предложено было имъ полное прощеніе при условіи публичнаго отреченія отъ ученія Баба; но когда непреклонность ихъ убѣжденій не могла быть поколеблена никакими увѣщаніями и угрозами, они сначала были подвергнуты жесточайшимъ пыткамъ, а затѣмъ преданы смертной казни.

Въ числѣ возставшихъ была молодая и красивая женщина, одна изъ самыхъ ярыхъ послѣдовательницъ Баба, по имени Куреть-уль-айль (мгновеніе ока). Во все время защиты крѣпости, держа въ одной рукѣ знамя, въ другой обнаженный кинжалъ, она бросалась во всѣ стороны, стараясь своимъ мужествомъ воодушевлять осажденныхъ бабидовъ. Борясь за ученіе Баба, перваго, провозгласившаго на Востокѣ равноправіе обоихъ половъ, Куреть-уль-айль боролась за свободу женщинъ въ Персіи.

Послѣ этого преслѣдованіе бабидовъ продолжалось непрерывно и съ большою настойчивостью; онѣ продолжаютъ и до нашихъ дней. Однако, преслѣдованія, пытки и смертная казнь имѣли какъ разъ обратное дѣйствіе: бабизмъ все шире и шире раскидывалъ свои сѣти на пространствѣ Ирана. Преслѣдуемые бабиды въ свою очередь жестоко мстятъ своимъ преслѣдователямъ. Послѣдняя месть ихъ заключалась, какъ извѣстно, въ возмутительномъ убійствѣ Насръ-эд-динъ-шаха, жизнь котораго съ самаго начала его царствованія была отравлена неоднократными покушеніями со стороны бабидовъ. Наиболѣе характернымъ явленіемъ слѣдуетъ признать тайную принадлежность къ сектѣ нѣкоторыхъ муштехидовъ, этихъ столповъ шиизма.

Въ чемъ же заключается ученіе бабидовъ, вызвавшее такое ожесточенное преслѣдованіе со стороны персидскаго правительства?

Ученіе это, ссылаясь на Магомета, сказавшаго будто бы, что послѣ него явится другой человекъ, который въ свое время дастъ людямъ болѣе разнообразное съ новымъ порядкомъ вещей, ученіе, отрицаетъ божественность происхожденія корана и исключительное значеніе послѣдняго для жизни современнаго общества; оно стремится ввести въ Персіи религіозно-соціальную реформу на принципахъ, выработанныхъ христіанствомъ, наукой и философій.

Вскорѣ послѣ смерти Сеида-Мирза-Али-Мухаммеда бабизмъ распался на два толка, во главѣ которыхъ стали два брата Субхэ-эзень и Беха-улла. Толки эти извѣстны подъ названіемъ «Стараго бабизма» и «Новаго бабизма». Старый бабизмъ отошелъ отъ мусульманства на значительное разстояніе; новый, сдѣлавъ еще шагъ впередъ, сталъ, по воззрѣніямъ своимъ, ближе къ христіанству, чѣмъ къ мусульманству.

Изъ единоголосныхъ показаній всѣхъ послѣдователей «новаго бабизма» видно, что главныя основныя положенія его, преподанныя Беха-уллой, заключаются въ слѣдующемъ: «Такъ какъ кромѣ Бога и атрибутовъ нѣтъ ничего вѣчнаго и совершеннаго, то и данный соціальный порядокъ также не можетъ быть вѣченъ и совершененъ: онъ долженъ повышаться съ повышеніемъ степени совершенства людей, иначе жизнь—этотъ дарованный Богомъ земной рай, превратится въ источникъ нескончаемыхъ мукъ. Каждый человекъ долженъ пользоваться свободой постольку, поскольку онъ не посягаетъ на свободу ближняго, а чтобы такое посягательство не могло имѣть мѣста, люди должны быть поставлены въ одинаковыя условія существованія. Вселенная и все въ ней существующее принадлежитъ Богу, а Богъ абсолютно справедливъ, передъ нимъ всѣ равны и всѣ равно должны поэтому пользоваться неисчерпаемыми имъ благами. Это послѣднее положеніе привело нѣкоторыхъ толкователей ученія бабидовъ къ ошибочному утвержденію, будто ученіе это привело къ отрицанію частной собственности. На самомъ дѣлѣ оно требуетъ только признанія необходимости практическаго осуществленія принципа «люби ближняго какъ самого себя» не въ формѣ, унижающей человѣческое достоинство, благотворительности, а въ формѣ обще-обязательной.

«Народы міра, говоритъ Беха-улла Аббасъ-Эфенди-Мирза-Гусейнъ-оглы, дѣлающіе религію предметомъ вражды между собою, знайте, что всѣ религіи имѣютъ одну цѣль—любовь и единеніе между людьми. Всѣ велѣнія Бога касаются наилучшаго устроенія человѣческой жизни. Народы, враждующіе между собою, нечестивы, ибо они не исполняютъ велѣній Бога. Война и вражда между народами запрещены Богомъ. Только тѣ государства выполняютъ свое истинное назначеніе, которыя стремятся вселять миръ и согласіе между народами». «Вѣтви мои—говоритъ онъ далѣе,—живите всегда въ добромъ согласіи между собою и никогда не разстраивайте этого согласія, ибо существо

человѣка священно. Вѣтви одного дерева должны подчиняться своему общему корню. Я—корень, вы—мои вѣтви. Такъ прислушивайтесь же къ тому, что я вамъ говорю. Ближніе мои, я завѣщаю вамъ исполнять велѣнія Бога. Никогда никого не оскорбляйте и не обманывайте ни словомъ, ни дѣйстви-емъ. Будьте правдивы, ибо правда есть тотъ цементъ, который связываетъ людей между собою. Истинно говорю вамъ: правдивость есть намѣстникъ Бога на землѣ; войска этого намѣстника—честныя и добрыя души. То, что я говорю вамъ—говорится въ священныхъ книгахъ всѣхъ народовъ. Да будутъ благословенны люди, исполняющіе во всемъ велѣнія Бога».

Въ его книгѣ «Книгабъ-ахти» имѣется, между прочимъ, слѣдующее поуче-ніе: «Всѣ люди, имѣющіе священное писаніе, равны между собою и передъ Богомъ; преклонитесь передъ предержашею властію, которая васъ приютитъ, не отвѣчайте оскорбленіемъ на оскорбленіе, ударами, убійствами на убійства, ибо месть противна Богу, слѣдовательно незаконна. Кто самъ за себя мститъ, тотъ не бабидь. Общаго имущества нѣтъ, каждый имѣетъ то, что вырабаты-ваетъ трудами рукъ своихъ; помощь бѣднымъ обязательна; она обязательна по отношенію ко всѣмъ нуждающимся къ какой бы религіи они не принадле-жали; помощь эта должна быть не милостыней, а займомъ, въ размѣрахъ, обезпечивающихъ возможность возвращенія займа; если такая помощь непо-сильна одному лицу, она должна быть дана нѣсколькими или всею общиною. Бабидь перестаетъ быть таковымъ съ того момента, какъ присвоилъ себѣ незаконно какое нибудь чужое добро, хотя бы самой ничтожной стоимости. Если при всѣхъ усиліяхъ бабидь не въ состояніи возвратитъ данный ему заемъ, то употребленіе надъ нимъ или его имуществомъ насилія строго вос-прещается: Богъ всемогущъ и онъ возвратитъ сторицей. Бѣдныхъ сиротъ нужно воспитывать на общественный счетъ, при обстановкѣ, смягчающей тягость сознанія сиротства. Община обязана заботиться о сиротахъ до тѣхъ поръ, пока послѣднія не перестанутъ нуждаться въ чужой помощи, и сами будутъ въ состояніи участвовать въ помощи бѣднымъ и сиротамъ. Каждому бабиду обязательно имѣть опредѣленное занятіе, при чемъ всѣ роды труда одинаково полезны и почтенны».

Необабизмъ не допускаетъ никакой духовной организаціи: нѣтъ ни ду-ховенства, ни храмовъ. Послѣдніе замѣняются учрежденіемъ въ общинахъ «домовъ справедливости»--это простые безъ всякаго украшенія дома для молитвы и для обсужденія общественныхъ вопросовъ.

Изъ приведеннаго краткаго изложенія ученія бабидовъ видно, какое культурное значеніе можетъ имѣть въ нашихъ мусульманскихъ провинціяхъ распространеніе бабизма. Въ началѣ распространенія его въ предѣлахъ За-кавказья, шиты, увидѣвъ въ этомъ ученіи начало перехода къ христіанству, сильно заволновались, протестовали и старались противодѣйствовать ему подпольными преслѣдованіями, обвиненіями въ вымышленныхъ преступле-

ніяхъ и доносами по начальству; но мѣстныя власти благоразумно отнеслись ко всѣмъ такимъ обвиненіямъ довольно равнодушно.

Покончивъ съ обзоромъ мусульманскихъ сектъ, возникшихъ на почвѣ шиизма, мы переходимъ къ изложенію основныхъ началъ ученій сектъ, возникшихъ въ Закавказьѣ среди суннитовъ.

Али-Аллахи. Какъ мы видѣли выше, обожаніе личности Али перешло въ обоготвореніе ея. Отсюда до ученія о воплощеніи божества въ личности Али остался всего одинъ шагъ. Это воплощеніе началось еще при жизни его. Первый, провозгласившій о воплощеніи Бога въ личности Али, былъ основатель секты «Сабаи», нѣкто Абдулла-ибнъ-Саба, или Абдулла-ибнъ-Сальма—еврей, принявшій мусульманство, тотъ самый, который, какъ говорятъ мусульмане, нашелъ въ библіи предсказаніе объ имѣющемъ явиться Мухаммедѣ. О первоначальномъ возникновеніи секты али-аллахи существуетъ два варианта. По одному—дѣло было такъ. Однажды Али взялъ съ собою на войну нѣкоего Нусейра. Война происходила въ пустынной и безводной мѣстности. Нусейръ, мучимый жаждой, обратился къ Али съ упреками. Послѣдній указалъ Нусейру на источникъ, котораго прежде не было видно. Въ то время, когда Нусейръ пилъ воду, нагнувшись на источникъ, онъ увидѣлъ въ водѣ изображеніе Али. Напившись, онъ возвратился къ Али и рассказалъ ему о выдѣнномъ имъ. Тогда Али выслалъ Нусейра изъ палатки на дворъ, гдѣ онъ снова увидѣлъ изображеніе Али въ воздухѣ. Немедленно онъ вернулся въ палатку и, рассказавъ, что видѣлъ, крикнулъ: «Али, ты Богъ!» За такое богохульство Али приказалъ отрубить Нусейру голову. Упавшая съ плечъ голова, катаясь по землѣ, кричала: «Али, ты Богъ!» Затѣмъ Али оживилъ Нусейра и снова велѣлъ рубить ему голову, которая, катаясь по землѣ, по прежнему продолжала кричать: «Али, ты Богъ!» Такое умерщвленіе и оживленіе продолжалось до семи разъ. Оживленный въ седьмой и послѣдній разъ, Нусейръ началъ проповѣдывать теорію воплощенія божества въ личности Али. Ставъ, такимъ образомъ, во главѣ крайнихъ алидовъ, Нусейръ образовалъ особую секту подъ названіемъ «али-аллахи». По другому варианту, дѣло происходило иначе. Къ Али, собиравшемуся на войну противъ еврейской крѣпости Хайбаръ, подошла женщина съ просьбой взять съ собою на войну единственнаго ея сына Нусейра. Просьба ея была такъ настойчива, что Али, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, согласился. Крѣпость, къ которой подошли мусульмане, оказалась окруженною глубокимъ рвомъ, наполненнымъ водою и безъ моста. Тогда Али взялъ доску, длиною въ ширину рва и пошелъ по водѣ, не погружавшись въ нее и, держа доску на своихъ рукахъ, велѣлъ мусульманамъ переправиться по ней, что и было сдѣлано, и мусульмане взяли крѣпость. Нусейръ былъ такъ пораженъ этимъ чудомъ, что вскрикнулъ: «Али, ты Богъ!» Затѣмъ слѣдовало, какъ сказано выше, семикратное умерщвленіе и оживленіе Нусейра. Есть ли легендарный Нусейръ и основатель

секты «нусейрига» также, какъ мы видѣли выше, учившій о воплощеніи Бога въ личности Али, одно и то же лицо — оказалось трудно выяснитъ. Въ «тафсирь-саафи» и «джанатиль-хулудъ»²³⁾ о Нусейрѣ упоминается только, какъ объ основателѣ секты «нусейрига». Во всякомъ случаѣ какая нибудь историческая связь между обѣими сектами должна быть. Вѣрнѣе всего и, какъ увѣряютъ мусуьмане, секта али-аллахи возникла на развалинахъ уже исчезнувшей секты «нусейрига». Сами али-аллахинцы, ничего не знающіе о первоначальномъ происхожденіи своего ученія, считаютъ со словъ дервишей, основателемъ секты нѣкоего Гасанъ-ханъ-бека. Они говорятъ, что ученіе ихъ не имѣетъ писанныхъ источниковъ, что все, что имъ извѣстно, они знаютъ по устнымъ преданіямъ, передаваемымъ имъ ихъ духовными лицами, по просту странствующими дервишами.

Основное вѣроученіе али-аллахинцевъ: Богъ пребывалъ, пребываетъ и будетъ пребывать въ вѣчности; онъ вездѣсущъ и всевѣдущъ; создатель вселенной, онъ самъ не созданъ, его бытіе не обуславливается временемъ и пространствомъ; онъ — первоначальная причина творенія и происходящихъ въ мірозданіи измѣненій. Этотъ Богъ-Али — не Али ибнъ-Абуталибъ²⁴⁾. Для наставленія людей на путь истинный, Богъ-Али иногда воплощается въ личности какого нибудь избраннаго имъ человѣка; онъ воплотился въ личности Али-ибнъ-Абуталибъ, какъ раньше воплощался въ личностяхъ Ноя, Авраама, Моисея, Давида и Иисуса Христа. Пока будетъ существовать родъ человѣческій, онъ по временамъ будетъ воплощаться и въ другихъ избранныхъ имъ личностяхъ для отвращенія людей отъ беззаконія, въ которое они впадаютъ. Послѣднее воплощеніе будетъ передъ разрушеніемъ видимаго міра. Избранный, въ котораго Богу-Али угодно будетъ воплотиться въ послѣдній разъ, будетъ носить званіе «шахъ-Джаганъ», что означаетъ царь вселенной; онъ будетъ судить людей по ихъ поступкамъ, причемъ али-аллахинцы вознесутся въ небеса для наслажденія раемъ въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ застанетъ послѣдній моментъ существованія міра. Коранъ, говорятъ они, былъ сотворенъ, но не писанъ. Богъ-Али воплотился въ личности Али-ибнъ-Абуталибъ для распространенія своего корана, но это не коранъ, будто бы, данный народу черезъ Мухаммеда-ибнъ-Абдуллахъ, а другой, особенный, содержаніе котораго извѣстно только немногимъ избраннымъ — муршидамъ и дервишамъ, обязанность которыхъ наставлять людей въ вѣрѣ до новаго воплощенія божества. Муршиды и дервиши получаютъ свои познанія въ ко-

²³⁾ Толкованіе къ корану и ученіе о мусульманскихъ сектахъ, которыми я также пользовался при составленіи настоящаго очерка.

²⁴⁾ Сектанты въ отличіе Бога-Али отъ имама Али, въ котораго Богъ воплотился, прибавляютъ къ послѣднему имени «ибнъ-Абуталибъ» или «Абуталибъ-оглы».

ранѣ по вдохновенію, для чего по временамъ на нихъ нисходитъ святой духъ. Мухаммеда сектанты считаютъ пророкомъ Бога, уже воплотившагося въ Али, какъ бы его предтечей, а имамовъ вовсе не признаютъ. Воплощеніе божества бываетъ двоякое: для наставленія на путь истинный какой-нибудь части человѣчества, или даже части населенія и можетъ имѣть мѣсто въ личности какого-нибудь благочестиваго человѣка (муршидъ, дервишъ) и для направленія на путь истинный всего рода человѣческаго. Воплощеніе Бога-Али въ личности Али-ибнъ-Абуталибъ считается самымъ совершенѣйшимъ, цѣль его была—дать законъ всему человѣческому роду: въ Али-ибнъ-Абуталибъ воплотился, такъ сказать, весь Богъ безъ остатка. Богъ-Али одновременно являлся своимъ поклонникамъ подъ слѣдующими именами: шахъ-Хошунъ (знач. неизв.), султанъ-Саханъ (знач. неизв.), хакъ-Крмзы (красный богъ), хакъ-Махаммадъ-бекъ (знач. неизв.), ханъ-Аthanи (богъ огня), хакъ-дюръ-ѐзи (самъ, т. е. Али). Эти мистическія названія Бога воплотившагося, значеніе и смыслъ которыхъ извѣстны однимъ только дервишамъ, употребляются али-аллахинцами и какъ молитва, когда они собираются вмѣстѣ въ торжественныхъ случаяхъ. Кльта внѣшняго богопочитанія у нихъ нѣтъ, нѣтъ у нихъ поэтому и особаго молитвеннаго дома: молитва замѣняется мистическимъ обожаніемъ Бога и экзальтаціей. Приведеніе себя въ экзальтированное состояніе обязательно только разъ въ году, въ присутствіи дервиша или замѣняющаго его другого духовнаго лица. Собираясь въ какомъ-нибудь домѣ, всѣ садятся на полъ, образуя кругъ. Дервишъ начинаетъ устно проповѣдывать что-нибудь объ Али и покачиваться. Сначала приводится въ движеніе голова, затѣмъ, поджавшись, онъ начинаетъ качаться изъ стороны въ сторону всѣмъ тѣломъ. Молящіеся дѣлаютъ тоже самое, подражая движеніямъ дервиша. Сначала медленное, движеніе по мѣрѣ воодушевленія толпы, переходитъ въ быстрое верченіе и пляску. Во все это время, дпящееся довольно долго, дервишъ многократно повторяетъ слѣдующія слова, подъ которыми также подразумѣваются личности, въ которыхъ Богъ одновременно воплощался: Ишаре-шахъ (указаніе Бога), Шартъ-бинъ-Яминъ (условіе сына Ямина), Рыдае-Довудъ (или Аба-Довудъ—плащъ Давида), Кхелемъ-пиръ - Муси (перо старика Моисея), Хуматъ-накъ-Ризбаръ (служба чистаго Ризбара), Кхереми (милость), Мѳрдыя (господинъ или великій), hu или Я—hu (оты, который есть!).

Постъ и всякіе другіе обряды али-аллахинцы вовсе отвергаютъ, хотя, во избѣжаніе столкновенія съ шитами, они, стараясь по возможности скрывать свое вѣрованіе, исполняютъ, когда это неизбѣжно, намазъ и другіе шитскіе обряды, не исключая и обряда, извѣстнаго подъ названіемъ «шахсей-вахсей» (шахъ-Хусейнъ, вахъ-Хусейнъ). Въ присутствіи шитовъ они даже принимаютъ оскорбленный видъ, если ихъ называютъ али-аллахинцами. Они пьютъ водку и вино, которыя сами же выдѣлываютъ, при чемъ вино имѣетъ услов-

ное названіе—кечи—*atlı* (козлиное мясо). Женщины не так обособлены отъ мужчинъ, какъ у мусульманъ вообще и вмѣстѣ участвуютъ въ собраніяхъ; онѣ избѣгаютъ чужихъ мужчинъ и закрываютъ лица, главнымъ образомъ, чтобы не обнаружить передъ шіитами своей принадлежности къ сектѣ. Въ домъ, гдѣ находится новорожденный, собираются родственники и знакомые. Дервишъ, или замѣняющее его другое лицо, по прочтеніи вышеприведенныхъ таинственныхъ названій Бога, замѣняющихъ молитву, раздаетъ всѣмъ присутствующимъ по маленькому кусочку мускатнаго орѣха для съѣденія, что означаетъ приобрѣтеніе ребенка къ числу вѣрующихъ и порученіе его покровительству Али. Обрѣзаніе и кебинъ происходятъ тѣмъ же порядкомъ, какъ у шіитовъ. У али-аллахинцевъ одинъ только обязательный праздникъ въ году, наступающій 29 декабря и длящійся три дня. День весенняго равноденствія (новрузъ-байрамъ), тотъ день, когда Али вступилъ на престолъ халифовъ, обязательный и величайшій для шіитовъ религіозный праздникъ, у али-аллахинцевъ носитъ свѣтскій характеръ и не считается обязательнымъ. Во время праздника, наступающаго 29 декабря, мужчины и женщины собираются въ одинъ домъ и каждый изъ сектантовъ приноситъ съ собою котелокъ съ сладкимъ пловомъ и жареною курицей для общей трапезы и общаго веселья. Прежде чѣмъ приступить къ пиршеству, мирятъ поссорившихся и устраиваютъ религіозную пляску. Веселье поддерживается женщинами, принимающими участіе въ хоровомъ пѣніи. Самымъ лакомымъ блюдомъ является, послѣ плова, кишминшъ, истребляемый ими въ громадномъ количествѣ. Обычай мусульманъ подстригать усы преслѣдуется али-аллахинцами какъ величайшій грѣхъ. Многоженство, хотя и не запрещено, но никогда къ нему не прибѣгаютъ, даже въ томъ случаѣ, если жена оказывается безплодною,—обстоятельство, иногда побуждающее не только мусульманъ, но даже и сосѣдей ихъ, армянъ, прибѣгать (въ захолустяхъ) ко второй женитьбѣ, при существованіи первой жены, хотя и безъ церковнаго благословенія ²⁵⁾. Шіитовъ али-аллахинцы не любятъ, но боятся ихъ. Послѣдніе платятъ имъ тѣмъ же. Таинственность, съ которою али-аллахинцы собираются на общую трапезу, объясняющаяся боязнью скандала со стороны шіитовъ, подала поводъ приписывать имъ всевозможныя преступленія, въ родѣ того, напиримѣръ, что они предаются свальному грѣху и кровосмѣшенію. Для этого обвиненія они придумали даже особый терминъ «туманъ-теканъ» (сбрасываніе штановъ); но это, безъ сомнѣнія, плодъ ненависти.

Наиболѣе характерною чертой въ нравахъ али-аллахинцевъ является легковѣріе. Не понимая толкомъ, чему вѣрують, они относятся съ преступною довѣрчивостію къ повѣствованіямъ разныхъ проходимцевъ дервишей, явля-

²⁵⁾ Дѣти отъ такихъ незаконныхъ супружествъ записываются рожденными отъ первой законной, но безплодной жены.

ходящихся къ нимъ изъ Персіи. Являясь обыкновенно по два человѣка, одинъ изъ нихъ играетъ роль посланника Али, а другой—сопровождающаго его архангела. Все, что изрекается этими дервишами, принимается сектантами за изреченіе самаго Али и соблюдается свято. Нарушеніе ихъ равносильно отреченію отъ секты. Приведу два примѣра крайняго легковѣрія али-аллахинцевъ.

На дорогѣ возлѣ селенія лежалъ небольшихъ размѣровъ камень, на которомъ находилось изображеніе лошадинаго копыта—то былъ отпечатокъ одного изъ копытъ любимой лошади Али. Камень этотъ былъ нѣкогда привезенъ изъ Персіи однимъ дервишемъ, получившимъ его отъ самаго Али. Какъ священный талисманъ, камень долженъ былъ постоянно находиться на дорогѣ при вѣздѣ въ селеніе. Въ ноябрѣ 1887 г. по селенію разнеслась роковая вѣсть, что камень съ священнымъ изображеніемъ подковы исчезъ. Обстоятельство это привело въ ужасъ всѣхъ али-аллахинцевъ. Состоявшій по этому поводу совѣтъ стариковъ пришелъ къ предположенію, что или камень взятъ обратно самимъ Али, считая дашкесанцевъ, согрѣшившихъ непочтительнымъ отношеніемъ къ посланникамъ его—дервишамъ, недостойными хранить его дольше, или камень украли невѣрные, т. е. шіиты, чтобы оскорбить религиозное чувство вѣрныхъ али-аллахинцевъ. Первое предположеніе казалось всѣмъ наиболѣе вѣроятнымъ, такъ какъ незадолго до пропажи камня они дѣйствительно были непочтительны къ одному изъ дервишей, посѣтившихъ ихъ съ цѣлью собиранія для муршида обычной дани. Али-аллахинцы были искренно увѣрены, что съ пропажею камня съ священнымъ изображеніемъ для нихъ должна наступить жизнь полная всевозможныхъ лишеній и несчастій; впослѣдствіи они даже появленіе холеры приписали исчезновенію этого камня ²⁶⁾.

²⁶⁾ Въ с. Дашкесанъ, этомъ царствѣ секты али-аллахи, холера свирѣпствовала съ особенною силою. Этимъ печальнымъ обстоятельствомъ воспользовались дервиши для своихъ цѣлей. Холера, говорятъ эти восточные фокусники, послана Богомъ въ наказаніе за недостаточную щедрость къ нимъ со стороны сектантовъ. Проповѣдуя покаяніе во грѣхахъ, дервиши попутно раздавали амулеты, способные избавить обладателей ихъ отъ дальнѣйшаго заболѣванія холерой въ случаѣ новаго ея появленія. «Откройте двери вашего вниманія, говоритъ дервишъ-сеидъ, свирѣпо разсѣкая воздухъ своимъ блестящимъ стальнымъ топорикомъ, и слушайте, что нашими устами вѣщаетъ вамъ Али—да будетъ благословенно имя его:—кайтесь въ содѣянныхъ вами грѣхахъ, берегите данныя вамъ священныя письма (амулеты), не забывайте муршида и насъ, посланниковъ Али, и никакія болѣзни не коснутся васъ». Послѣ такого рѣшительнаго требованія, приношенія—во имя Бога милосерднаго—щедро сыплются въ бездонные карманы и кокосовыя скорлупы дервищей.

Весною 1889 г. два дервиша: сеидъ Гейдаръ и сеидъ Мирзаджанъ, бывъ изъ Карадагской провинціи, посѣтили селеніе Горовлу (въ 4хъ верстахъ отъ уроч. Джебрайла), также населенное али-аллахинцами. Назвавъ себя по обыкновенію посланниками Али, они сообщили, что присланы возвѣстить объ имѣющемъ скоро послѣдовать разрушеніи міра, о томъ, что земля и все на ней видимое исчезнетъ, что исчезнетъ все на ней живущее и дышащее, за исключеніемъ али-аллахинцевъ, которые сдѣлаются единственными хозяевами новой земли, имѣющей быть созданной немедленно по разрушеніи стараго, погрязшаго въ грѣхахъ, міра. На этомъ основаніи сеидъ Гейдаръ и Мирзаджанъ предложили именемъ Али поклонникамъ его сейчасъ же приступить къ расчетамъ со старой землей и немедленно заняться продажей скота и всего имущества, на что ими былъ назначенъ десятидневный срокъ. Въ теченіе этого времени имъ было предоставлено не молиться или каяться въ грѣхахъ, а веселиться и объѣдаться. Легковѣрные сектанты, по объявленіи имъ воли Али, приступили къ продажѣ своего имущества и порѣзали весь оставшійся непроданнымъ скоть. Наиболеѣ благочестивые изъ али-аллахинцевъ, въ моментъ разрушенія міра, ровно въ полдень десятаго дня, должны были вознестись живыми на небо, къ престолу Али. На десятый день сектанты пришли въ эстатическое состояніе, а двѣнадцать человѣкъ изъ наиболѣе благочестивыхъ стариковъ, по выбору дервишей, т. е. кто больше заплатилъ, взобрались на невысокій холмъ, раздѣлись до нага и съ поднятыми къ небу руками ожидали наступленія момента разрушенія видимаго міра и своего вознесенія къ престолу Али, причемъ у cadaго изъ нихъ должно было моментально вырости по парѣ ангельскихъ крыльевъ. Деньги, вырученныя отъ продажи имущества, перешли въ карманы дервишей, дѣйствовавшихъ при посредствѣ одного изъ почетныхъ стариковъ этого селенія, которому дервиши отъ себя удѣлили часть осѣнявшаго ихъ святаго духа. Полиція, узнавъ отъ этой затѣи дервишей, ничего не оставалось дѣлать, какъ изловить ихъ и выслать подъ конвоемъ обратно въ Персію. Однако, чтобы не вызвать сопротивленія въ нафанатизированной и возбужденной толпѣ, всегда вооруженной кинжалами, она рѣшилась сохранить выжидательное положеніе, считывая, что по истеченіи назначенныхъ десяти дней, когда сектанты уѣдутся въ очевидномъ обманѣ дервишей-сеидовъ, они не станутъ противодѣйствовать приведенію въ исполненіе этой мѣры. И дѣйствительно, по истеченіи условленныхъ десяти дней полиція безпрепятственно схватила дервишей и выслала ихъ обратно въ Персію; полиція же позаботилась возвратить несчастнымъ проданные было ими за безцѣнокъ предметы хозяйства. Впослѣдствіи эти два дервиша-сеида перебрались въ Зангезурскій уѣздъ, гдѣ также имѣются два селенія, населенныя али-аллахинцами, но и тамъ имъ не повезло: они немедленно были схвачены и административнымъ порядкомъ куда то отправлены.

Можно бы привести еще нѣсколько примѣровъ подобнаго рода или раз-

сказать исторію о томъ, какъ дервишъ, по внушенію Али, пытается овладѣть красивою женою чужого мужа, но не успѣваетъ въ этомъ лишь благодаря вмѣшательству полиціи, которой приходится имѣть дѣло со всѣми али-аллахинцами, отстаивающими божественное право посланника Али, но ограничимся приведенными фактами. Повидимому въ Персіи существуетъ цѣлая шайка дервишей, посвятившихъ себя эксплуатированію легковѣрія и невѣжества али-аллахинцевъ. Главою шайки является муршидъ, въ пользу котораго ежегодно собирается опредѣленная дань. Собираніе дани сопровождается раздачей амулетовъ, на которыхъ начертаны магическія формулы, могущія обезпечить обладателей ихъ благоденствіемъ въ земной жизни и блаженнымъ существованіемъ въ жизни загробной. Эти магическія формулы способны отвращать даже полную смѣрть. Наградой за своевременное внесеніе дани въ пользу муршида имѣетъ быть райскій садъ, въ которомъ черноокія дѣвы будутъ разносить въ серебряныхъ сосудахъ холодное питье изъ райскаго источника сельсебиль и гдѣ на покрытыхъ шелками и парчами тахтахъ али-аллахинцы будутъ возлежать въ тѣни райскихъ деревьевъ, вѣтви съ плодами которыхъ будутъ склоняться надъ ихъ головами, украшенными жемчужными и алмазными уборами.

Всѣхъ али-аллахинцевъ считается въ Закавказскомъ краѣ до 552 дворовъ, въ числѣ 2700 душъ обоого пола; живутъ они въ девяти селеніяхъ Джебраильскаго уѣзда (Горовлу, Дашкесанъ, Куйджагъ, Кярхуны, Джафаръ-абайдъ, Нузгеръ, Чапандъ, Шафибеглы и Карадара) и въ 2 селеніяхъ Зангезурскаго уѣзда (Шамовлу и Алтынчи). Занесено къ нашимъ мусульманамъ ученіе али-аллаховъ изъ Персіи. Тамъ послѣдователи этого ученія живутъ, главнымъ образомъ, въ Мазандаранѣ и Тавризскомъ вилайетѣ, гдѣ населяютъ цѣлый рядъ селеній. На персидскомъ берегу Аракса, на границѣ съ Джебраильскимъ и Зангезурскимъ уѣздами, также находятся три персидскія деревни, населенныя этими сектантами, именно: Шамлу, Шихляръ и Каракоюнлы, изъ которыхъ и являются къ нашимъ али-аллахинцамъ дервиши для проповѣдей и вымогательствъ.

Остается прибавить, что секта али-аллахи, какъ и всѣ вообще шиитскія секты, дѣлится на нѣсколько толковъ. Ученіе нашихъ али-аллахинцевъ, а также тѣхъ, которые живутъ на персидскомъ берегу Аракса, нѣсколько отличается отъ ученія али-аллахинцевъ, живущихъ въ Мазандаранѣ и другихъ частяхъ Персіи. Послѣдніе также, считая Мухаммеда предтечей Али, признаютъ и имамовъ, въ число которыхъ и включаютъ еще какого то Шахъ-аги-Мирзу. Наши али-аллахинцы считаютъ послѣдняго только однимъ изъ своихъ муршидовъ, сочинившимъ вышеприведенныя таинственныя названія Бога воплотившагося.

Мюриды или шейхи-сунны. Коранъ, отвергая въ принципѣ монашество, допускаетъ, однако, для исключительныхъ лицъ, особое религіозное наитіе. Отказываясь отъ суетныхъ удовольствій міра сего, такія лица подвергаютъ

себя разнымъ лишеніямъ, и, путемъ умерщвленія плоти и непрерывнаго самоуглубленія, стремятся, такъ сказать, къ слиянію съ Богомъ. Такое мистически-религіозное настроеніе отдѣльныхъ лицъ, рѣдко случавшееся и въ первыя времена распространенія магометанства и даже при жизни основателя его Мухаммеда, носитъ названіе «тарикать»²⁷⁾, что означаетъ шествіе по пути самоусовершенствованія въ смыслѣ достиженія возможности истиннаго познанія сущности божества и непосредственнаго съ нимъ слиянія, а самое состояніе человѣка подѣ влияніемъ тариката—временемъ перехода изъ міра земнаго въ міръ небесный. Тарикать основанъ на слѣдующемъ положеніи. Главное назначеніе человѣка состоитъ въ созерцаніи Бога. Въ этомъ созерцаніи—его блаженство; существо, способное созерцать Бога, само божественно и поэтому должно стремиться къ слиянію съ своимъ высшимъ духовнымъ началомъ—съ самимъ Богомъ. Превышая требованіе корана, такое религіозное настроеніе, влекущее за собою, такъ сказать, побѣду духа надъ грѣшною плотью, принято мусульманами считать за величайшій подвигъ и потому глубоко чтимо²⁸⁾. Съ теніемъ времени, однако, подѣ влияніемъ религіозно-философской мысли на востокѣ, ученіе о тарикатѣ уклонилось отъ своихъ первоначальныхъ правилъ и приняло различныя формы. Въ однихъ случаяхъ истинный смыслъ его исказился и послужилъ причиною образованія цѣлаго ряда монашествующихъ конгрегацій, исказившихъ самое ученіе корана; въ

²⁷⁾ По ученію мусульманъ суннитовъ, есть много путей ислама (тарикаты); но главныхъ или великихъ считается четыре. Первый путь начинается отъ старшаго халифа Абу-Бекра; самъ же онъ принялъ его отъ посла Божія, Мухаммеда, а послѣдній отъ Всевышняго Бога. Путь этотъ называется накшубандійскимъ, потому что онъ принадлежитъ шейху Магомету Накшубандійскому. Второй путь идетъ отъ второго халифа, Омара, который принялъ его отъ пророка, а сей послѣдній отъ Бога. Путь этотъ называется кадырскимъ, потому что онъ принадлежитъ центру святыхъ и образцу несомнѣнной чистоты, Абдуль-Кадыру Гиланскому. Третій путь происходитъ отъ третьяго халифа, Османа, обладателя превосходства вѣры и зятя пророка. Путь сей называется джаштурійскимъ. Четвертый путь идетъ отъ четвертаго халифа, льва Божьяго и побѣдителя—Али, мужа дочери пророка, а послѣдній отъ самаго Бога.

²⁸⁾ По принципамъ мусульманской философіи, природа человѣка слагается изъ трехъ элементовъ: физическаго, религіозно-нравственнаго и умственнаго. Каждый изъ этихъ элементовъ подчиняется своимъ особымъ законамъ, изложеннымъ въ трехъ главныхъ отдѣлахъ ученія ислама: шаріатѣ, тарикатѣ и моарифатѣ. Людей, духовная сторона которыхъ могла бы выработаться до такой степени совершенства, чтобы подойти подѣ законы моарифата, нѣтъ въ цѣломъ свѣтѣ, точно также весьма мало и такихъ людей, которые бы по своему духовному развитію подходили подѣ законъ тариката.

Другихъ— оно послужило причиною образованія антимусульманскихъ сектъ или привело къ совершенному отрицанію божественнаго откровенія и даже къ атеизму; оно же положило начало возникновенію мистически-пантеистической школы суфіевъ, по ученію которой Богъ не есть нѣчто отдѣльно отъ міра существующее, а составляетъ внутреннюю причину и субстратъ всякой вещи и всего существующаго (то же, что спинозизмъ). Міръ, по этому ученію, есть эманация божества, такъ сказать, вещественное проявленіе творящей силы божества. Это самое ученіе о тарикатѣ породило и суннитскую секту мюридовъ, или какъ ее еще называютъ «шейхи-сунны», возникшую сравнительно недавно въ восточной части Закавказскаго края.

Г. Сегаль.

(Продолженіе будетъ).

Чествованіе пастыря.

25 марта с. г. настоятелю Вознесенской церкви г. Тифлиса, священ. Иларіону Джаши, до того переведенному изъ Кедабека, по уполномочію прихожанъ Кедабекской во имя св. Николая Чудотворца церкви М. А. К., съ благословенія Его Высокопреосвященства, поднесена цѣнная серебряная икона св. Николая Чудотворца въ складномъ кіотѣ и серебряная лампада къ ней и прочитанъ отъ имени прихожанъ адресъ. Въ отвѣтномъ на прочтенный адресъ словѣ свящ. Джаши сказалъ приблизительно слѣдующее: „Вы, вѣроятно, помните,— что я сказалъ 15 декабря минувшаго года въ Кедабекской церкви, прощаясь съ прихожанами. (Рѣчь моя эта отпечатана въ № 5 „Духовнаго Вѣстника Груз. Экз.“ Въ ней я сказалъ все, что имѣлъ сказать. Считаю излишнимъ повтореніе разъ ужъ сказаннаго, приведу изъ этой рѣчи только одно мѣсто. Ровно 10 лѣтъ прожилъ я съ вами. За все это время между нами не было никакихъ споровъ и столкновеній, мало того, я ни отъ кого не слыхалъ ни одного обиднаго слова. Преподнося икону и адресъ, бывшіе мои прихожане подтверждаютъ тоже самое. Да, М. А., хорошо мнѣ жилось среди васъ, жалко было расставаться съ вами. Я и такъ бы помнилъ всегда бывшихъ моихъ прихожанъ, но съ настоящаго момента тѣмъ болѣе никогда не изгладится въ моей душѣ память о нихъ. Въ адресѣ бывшіе мои прихожане выражаютъ пожеланія, чтобы я впредь шель по тому же пути, по которому я шель служба въ Елисаветпольской губерніи и чтобы я среди теперешнихъ моихъ прихожанъ пользовался такимъ же довѣріемъ и расположеніемъ, какимъ я пользовался въ Кедабекѣ. Что мнѣ здѣсь предстоитъ, покажетъ будущее. Замѣчу лишь, что я не способенъ создавать искусственно другого человѣка. За икону и адресъ передайте, М. А., бывшимъ моимъ прихожанамъ мою сердечную благодарность. Передайте также, что эти знаки вниманія и усердія ко мнѣ Кедабекцевъ неизгладимыми чертами будутъ запечатлѣны въ моей душѣ“.

Отмѣчая это отрадное явленіе оцѣнки дѣятельности духовнаго пастыря его прихожанами,—можно выразить пожеланіе, чтобы явленія эти съ обоюдной стороны не были единичными случаями.

Членъ церковно-приходскаго попечительства при Кедабекской, св. Николая Чудотворца церкви *М. Кологривова*.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Открыта подписка на 1903 годъ (изд. XVIII годъ)

иллюстрированный журналъ для семьи

1 руб. за 2 мѣсяца съ доставкой и перес., за годъ съ достав. и перес. 5 руб.

Русскій Паломникъ

подъ редакціею А. И. Поповидкаго и при участіи *отца Иоанна Кронштадтскаго*.

52 №№ журн. до 2000 столбц. текста и до 300 иллюстр. Очерки, рассказы, стихотворенія, статьи бытового, нравственнаго и историческаго содержанія, воспоминанія и преданія русской старины, отклики на вопросы современной жизни.

12 книгъ до 2400 стран. убористой печати, заключающихъ въ себѣ повѣсти изъ исторіи русскаго народа и православной церкви, очерки и рассказы изъ исторіи библейской, общей и церковной, описаніе святыхъ и т. п.

и кромѣ того *бесплатно* будетъ выдано:

6 книгъ до 100 стран. всемірно-извѣстнаго труда досточтимаго автора *отца Иоанна Кронштадтскаго Моя жизнь во Христѣ*.

Это сочиненіе, переведенное почти на всѣ европейскіе языки, служитъ прекраснымъ руководствомъ къ духовной жизни для всѣхъ, кто стремится приблизить и свою личную жизнь къ тому идеалу, къ которому призываетъ читателей всероссійскій пастырь апостольскимъ завѣтомъ: «Подражайте мнѣ, каѣ и я Христу».

2 книги (болѣе 400 страницъ, 150 фотогравюръ, карта и 3 плана) *иллюстрированный путеводитель по св. мѣстамъ востока*.

Составилъ А. А. Павловскій, специально въ началѣ 1902 года командированный отъ редакціи «Русскаго Паломника» на Аѳонъ и въ Палестину.

Двадцать кн. «Русск. Пал.» будутъ содержать:

1) *Отецъ Герасимъ*. Пов. изъ жизни сербскаго народа подъ турецкимъ игомъ. Д. Илича. 2) *За братьевъ-славянъ*. (По поводу 25-л. войны 1877—78 гг.) И. В. Преображенскаго. 3) *Старецъ Серафимъ и Саровская пустынь*. С. А.

ханьелова. 4) *Минувшія судьбы Петербургскаго края*. Церковно-историч. сочин. *Ө. В. Четыркина*. 5) *Өедосъевскій Владыка*. Повѣсть изъ исторіи раскола XVIII в. *Н. Н. Алексъева-Кунгурцева*. 6) *Адскій годъ*. (Иезуиты въ Россіи). Церковно-историческая хроника. *Н. О. Дихарева*. 7) *Богомъ отмщенныи*. Быль изъ жизни старца-подвижника. *Г. Сьверцева*. 8) *Жизненные вопросы*. (По сочиненію Өомы Фрапка). *Н. П. Двиубскаго*. 9) *На стражѣ православія*. Повѣсть изъ жизни украин. духов. XVIII в. *В. А. Радича*. 10) *Сонъ великаго хана*. Историческая повѣсть. *М. Н. Лебедева*. 11) «Господь воцарится». Десять картинъ славы Господа Иисуса Христа. *И. Мона*. Перев. *С. Моложавого*. 12). *Подъ ветомъ уиы*. Историч. пов. изъ быта Вѣлоруссіи XVIII вѣка. *Н. Стрѣшинева*.

Подписная цѣна на журналъ: безъ доставки въ Спб. пять руб., съ дост. и перес. во все города Россійской имперіи шесть руб., за границу 8 руб.

Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 р., къ 1 апрѣля 2 р., и къ 1 июля остальные.

Главная контора: Спб. Стремяная ул., 12, собств. домъ.

3—3

Содержаніе №№ 7—8. *Часть оффиціальная*: Высочайшій манифестъ. Распоряженія Грузинскаго Епархіальнаго Начальства. Распоряженія Сухумскаго Епархіальнаго Начальства. Копія письма Коменданта Карсской крѣпости на имя Его Высокопреосвященства, Экзарха Грузіи, отъ 2 марта 1903 года за № 4079. Отъ Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ. *Часть неоффиціальная*: Рѣчь на панихидѣ по Н. В. Гоголѣ по случаю открытія ему памятника въ г. Тифлисѣ, сооруженнаго городскимъ самоуправленіемъ—протоіерея *І. Восторгова*. Рѣчь, сказанная при встрѣчѣ Высокопреосвященнѣйшаго Алексія, Экзарха Грузіи, Архіепископа Карталинскаго и Кахетинскаго, предъ совершеніемъ Его Высокопреосвященствомъ вечерни въ 1-й миссіонерской Покровской церкви въ г. Тифлисѣ, 9 марта, 1903 г., въ недѣлю Крестопоклонную—свящ. *А. Дунаева*. Къ вопросамъ нашей церковной школы—священника *И. Шубладзе*. Краткій очеркъ Цалкинскихъ греческихъ приходоѡ—свящ. *Николая Сотирова*. Литературное утро въ Тирзисской, второклассной-учительской школѣ 12 февраля 1903 г.—свящ. *А. Новикова*. Дѣтскій вечеръ въ Горійской двухклассной женской церковно-приходской школѣ—учит. *М. Панджакидзе*. Пять грузинскихъ историческихъ хроникъ—*Ө. Жорданія*. Мусульманскія секты въ Персіи и Закавказскомъ краѣ—*І. Сегаля*. Чествованіе пастыря—*М. Кологривова*. Объявленіе.

Редакторъ, Протоіерей *І. Восторговъ*.

Печатать дозволяется. Тифл., 17 апрѣля 1903 года., Цензоръ протоіер.

Евставій Еліевъ.

дабекдрафія *Е. И. Хеладзе*, Русскій базаръ, д. Армянской Духовн. Семинаріи.